

Ольга Ярошинская

ВЕДЬМА

ПО НАСЛЕДСТВУ

Ольга Ярошинская
Ведьма по наследству

«Автор»

2023

Ярошинская О. А.

Ведьма по наследству / О. А. Ярошинская — «Автор», 2023

Одним прекрасным утром я получила в наследство дом. А в придачу – вредного кота, вязанкудохлых летучих мышей, чучелооборотня и список условий, которые должна выполнять, если хочу, чтобы все это сомнительное богатство стало моим. Моя скончавшаяся прабабка, которую я даже не знала, была ведьмой. Теперь я заняла ее место. Это не так и сложно, когда рядом лучшая подруга и сильный мужчина, готовый встать на мою защиту. Но, похоже, я рано радовалась неожиданному наследству...

© Ярошинская О. А., 2023

© Автор, 2023

Ольга Ярошинская

Ведьма по наследству

Хозяйка влетела на кухню, даже не сняв ботинки, обшарила взглядом и мой затрапезный халат, и недопитую чашку чая, и грязную тарелку в мойке.

– Бардак разводишь? – Метнулась в комнату и тут же вернулась с несколько разочарованным лицом. – Хахаль уже ушел?

– Нет у меня хахалья, Наталья Борисовна, – обреченно ответила я. – И бардака нет. А вы бы предупреждали, перед тем как приехать.

– С чего это я должна перед тобой отчитываться? Это моя квартира, я сюда могу прийти в любой момент! Кто тебя знает, может, ты тут наркоманский притон устроила. Или бордель.

Я окинула себя мысленным взором: черные кудрявые волосы скручены на затылке в лохматый пучок, пронзенный навывлет простым карандашом, на ногах теплые полосатые носки и тапки в виде пушистых зайцев, а довершает образ проститутки ядрено-желтый халат.

Я плотнее запахнула халатик, мрачняя с каждой минутой. Квартира, которую я снимала всего три месяца, находилась почти в центре. Под окном зеленел парк, через дорогу подмигивала вывеска моего любимого спортивного центра, а до общаги лучшей подруги Юльки ходили все троллейбусы. Я отмывала кухню и ванную почти неделю, переклеила обои, ободрав жуткие зеленые цветы с желтыми разводами непонятного происхождения, и теперь квартира полностью меня устраивала, если бы не одно «но» – ее хозяйка.

– Такой бизнес за три дня не раскрутишь, – ответила я. – А вы ко мне на этой неделе уже заезжали.

Наталья Борисовна хмыкнула, расстегнула блестящий алый плащик, уселась на стул, давая понять, что она здесь надолго, потом повернулась к стене и замерла, забыв закрыть рот.

На стене жил город. Узкая мощеная улочка изгибалась вокруг пруда, по поверхности воды плясали солнечные зайчики, яблони протягивали цветущие ветки прямо в кухню, голуби клевали крошки у ног импозантного мужчины, устроившегося на лавочке. Семь метров кухни раздвигались до конца улочки, где виднелась церквушка с витражными стрельчатыми окнами и колокольней.

– Это что?

– Юлька говорит – Прага, – сказала я. – Вы же разрешили все красить-переклеивать, если за свой счет.

Наталья Борисовна задумчиво отхлебнула мой недопитый чай, поморщившись, отодвинула чашку. На фарфоре остался жирный след красной помады.

– Знаешь, Василиса Егоровна, слишком шоколадно ты устроилась, – протянула она. – Живешь тут, как у Христа за пазухой, да еще постные рожи корчишь.

– Рожа уж какая есть, перекраивать не собираюсь, – ответила я и прикусила губу. А вот Наталья Борисовна свои губы, которые с момента нашего знакомства увеличились в размерах втрое, наоборот, надула.

– Еще и огрызаешься, – почти ласково сказала она. – А телевизор из розетки не выключаешь, как я просила.

– Так ведь я дома, – опешила я. – Да и глупо это – каждый раз, уходя из квартиры, все из розеток выключать.

– Конечно, если вдруг замыкание случится, то не твоя квартира сторит. – Хозяйка хлопнула ладонью по столу. – В общем, со следующего месяца платишь двести.

– Что? – возмутилась я. – Мы же договаривались. Сто пятьдесят – мой потолок.

– Значит, прыгай выше потолка, Василиса, – усмехнулась женщина. Толстые губы растянулись, как два червяка. – А если тебя что-то не устраивает – скатертью дорога.

Она лениво встала, подошла к плите, по-хозяйски зачерпнула ложкой содержимое кастрюльки, подула и, прикрыв глаза, пригубила мой шоколадный шедевр.

Я с наслаждением смотрела, как выпучиваются ее глаза, как пухлая кисть хватается за горло. Наталья Борисовна выплюнула варево в умывальник, лихорадочно набрала в рот воды из-под крана.

– Вы бы хоть спросили, – сказала я. – Это же мыло!

Юлька ответила после четвертого гудка.

– Я на парах, – прошептала она. – Уровень тревоги?

– Красный, – мрачно ответила я.

– Буду.

В телефоне послышались короткие гудки, а я вздохнула и села за стол, на котором остывало шоколадное мыло в фигурных формочках. Даже если я как-то извернусь и смогу платить за квартиру цену, назначенную хозяйкой, так дальше продолжаться не может. А если бы я на самом деле решила привести к себе гипотетического хахаля, а в разгар свидания вломилась бы Наталья Борисовна со своей инспекцией? Значит, снова переезд. Как же мне надоела жизнь на чемоданах! За последние два года я успела сменить четыре квартиры, но мечта о собственном жилье оставалась неосуществимой. Я занималась переводами, репетиторством, делала мыло ручной работы, которое разлеталось, едва успев застыть, но едва сводила концы с концами. Я вытащила из шкафа чемодан, открыла его и положила в центр комнаты. В голодную пасть полетели мои свитера и джинсы.

Юлька влетела в квартиру через полчаса после моего звонка, когда я сидела верхом на набитом чемодане и с тоской смотрела на вещи, разбросанные по комнате. Подруга остановилась на пороге, воинственно перекинула за спину толстую русую косу, вдвое толще ее запястья, обвела взглядом комнату. Я даже умилилась: Юлька – само воплощение нежности и женственности, но сейчас ее голубые глаза сверкали праведным гневом, а на щеках разгорелся румянец – примчалась защищать подругу.

– Каждый раз барахла все больше, – пожаловалась я. – Оно бесконтрольно размножается!

– Это ты только свою косметику собрала? – съехидничала Юлька.

– Святое не трожь!

– Снова переезд? – понятно вздохнула она, и я кивнула.

Мы устроились на кухне, и я в лицах пересказала нашу стычку с Натальей Борисовной.

– И знаешь, в этом есть и твоя вина! – обвинила я подругу, забирая у нее тарелку из-под супа, который она выхлебала под аккомпанемент моего рассказа. – Если бы так классно не разрисовала эту стену, моей мымре не пришлось бы в голову завышать цену. Твой талант поднял стоимость аренды!

– Вася, ты точно решила переезжать? – задумчиво спросила Юля, рассматривая творение своих рук.

– А какие варианты? Она за эти три месяца все нервы мне вымотала! Сто раз пожалела, что не заключила официальный договор. Сэкономила, называется. Вот только где мне перекантоваться, пока другую квартиру не найду...

– Может, удастся договориться с комендой, чтобы пустила тебя ко мне в общежитие, – без особой надежды предложила Юля. – В крайнем случае будешь балконами пробираться. Вот недавно рассказывали, к ребятам из сорок первой девчонка по простыням на четвертый этаж залезла.

– Я, конечно, девушка спортивная, но хотелось бы без экстрима.

– Ладно, как-нибудь прорвемся, – махнула Юлька рукой. Она сходила в прихожую, вернулась с портфелем, деловито разложила на столе краски и кисти, а потом принялась творить.

Я исподволь залюбовалась подругой. Она всегда была симпатичной. Уже в седьмом классе мальчики краснели, заикались и мычали, как идиоты, стоило Юльке поднять на них прозрачные русалочки глаза. А к девятому классу, когда у подруги внезапно появились формы всем на зависть, от кавалеров отбоя не было. И сейчас, в потоке вдохновения, она была дивно хороша: золотистая кожа подсвечена внутренним солнышком, скулы горят нежным румянцем. Юлька казалась феей, творящей волшебство. Но я знала, что за мягкой внешностью прячется стальной стержень, который удержит ее при любых невзгодах. Мы выросли в небольшом городишке, вместе поступали на учебу в столице. Но если мне сразу посчастливилось пройти конкурс, то Юлька поступила на вожделенный факультет искусств с третьего раза. Она никогда не сдавалась. Засучивала рукава на своих белых ручках и принималась за работу.

Когда она закончила, я села прямо на пол.

– Теперь у меня точно нет дороги назад!

Юлька удовлетворенно осмотрела изменившуюся картину на стене и уселась рядом, вытянув ноги.

Над городом на стене клубился кровавый туман, в нем угадывались вытянутые лица с распалхнутыми беззубыми ртами, воздетые в страдальческом безмолвном порыве руки. Трупки голубей валялись у ног господина, вальяжно рассевшегося на лавке. Из-под вздернутой верхней губы мужчины выглядывали клыки. Фасад церквушки оккупировали горгульи. На непроницаемо-черной поверхности пруда плавала одинокая женская шляпка с малиновым цветком.

– Шляпка особенно хорошо получилась, – похвалила я. – Намек на трагедию, недосказанность.

– Мне тоже нравится, – согласилась Юля.

– Может, еще бомжей дорисуешь? – предложила я. – Или гоп-компанию?

– Отличная идея! – Подруга схватила кисти, преисполнившись энтузиазма, а мой телефон вдруг завибрировал, пополз по столу.

– Слушаю. – Я поднялась с пола, сгибая и разгибая затекшую ногу.

– Василиса Егоровна Вороненко?

– Да.

Бесстрастный голос в трубке принадлежал, казалось, женщине без возраста.

– Эльвира Протосовна Мут, нотариальная контора Октябрьского района. Я жду вас завтра в девять часов ровно по вопросу вступления в наследство.

– Что? От кого? Вы что-то путаете!

– Кабинет номер шесть, девять часов.

В трубке слышались короткие гудки, а я так и стояла, рассматривая бомжа на картине Юльки. Понятно, почему подруге не сразу удалось поступить – пропорции тела мужчины не выверены, рука странно согнута. Но тем не менее мужчина был живой: в чертах лица еще проступала былая интеллигентность, уголки губ трогательно приподнимались, будто ему снилось что-то хорошее. Пустая бутылка лежала у вытянутой руки, поблескивая зеленоватым боком в свете фонаря.

– Наследство какое-то, – пробормотала я.

– Это же здорово! – обрадовалась Юлька, дорисовывая дорожку слюны, стекающую по щеке бомжа и собирающуюся в лужицу. – Вот как подвалят тебе сейчас миллионы!

– Не с моим счастьем, – буркнула я.

Тем не менее ровно в девять часов утра я переминалась с ноги на ногу возле кабинета номер шесть нотариальной конторы. По такому поводу я постаралась одеться официально – черная юбка-карандаш, белая блузка, туфли на каблуках; на плече болталась маленькая черная сумочка, в нее влез лишь паспорт, кошелек и ключи, которые уже через два дня мне нужно отдать хозяйке квартиры. Волосы с помощью подруги удалось укротить, уложив во вполне при-

личный пучок, зеленые глаза только слегка подведены карандашом. Я надела черную кожаную куртку и пожалела об этом, еще выйдя из подъезда, – с утра подморозило, несмотря на начало мая. Но возвращаться за пальто не хотелось – плохая примета.

Мы с Юлькой весь вечер перебирали варианты, от кого мне могло перепасть наследство. Вспомнили всех: учительницу английского, у которой я была любимицей, соседа по даче, норковившего ущипнуть меня за попу, стоило мне нагнуться за сорняком, заодно перебрали всех бывших.

Я долго не могла заснуть. В кои-то веки был повод порадоваться тому, что я сирота – мне не за кого было переживать. Но кто-то в этом мире оставил мне наследство, значит, как-то выделял среди прочих людей, чувствовал связь, а я даже не знаю, кто это может быть...

Я робко постучала в дверь кабинета.

– Опоздываете, Василиса Егоровна, – отчитал меня уже знакомый холодный голос.

– Ровно девять, – попыталась возразить я, заходя в кабинет, но, увидев нотариуса, поняла, что все слова бесполезны.

Женщина, сидящая за столом, напоминала сфинкса: та же незыблемость, монолитность и невозмутимость. Ее руки лежали на столе параллельно друг другу, большие карие глаза чуть навыкате смотрели сквозь меня, бронзовые локоны одинаковыми спиральками спускались на плечи.

– Приступим, – сказала она. – Моя клиентка, Маргарита Павловна Воронцова, ваша троюродная бабка, недавно отошла в мир иной.

Я молчала, переваривая информацию. Фамилии схожи, имя мне не знакомо.

– Вы не были знакомы лично, – угадала мои мысли Эльвира Протосовна, – но она оставила весьма четкие указания. Вы получаете право пользования всем ее движимым и недвижимым имуществом сроком на год. Если вы выполняете условия, оговоренные в завещании, то через год вступаете в право владения всем наследством.

– Условия? – Я поискала глазами стул или кресло, но так и не нашла, куда опустить свою попу. Кабинет номер шесть не отличался гостеприимством и уютом, стол и кресло Эльвиры Протосовны были единственной мебелью – абсолютно белой, как и стены и потолок. Возле окна, закрытого белыми пластиковыми жалюзи, в глиняном горшке стоял фикус, и я постоянно возвращалась к нему взглядом. Право слово, он казался куда живее нотариуса.

– Здесь всё. – Эльвира Протосовна едва заметно кивнула на большой желтый конверт на краю стола, где стоял лишь маятник с металлическими шариками, прижавшимися друг к другу круглыми боками, как замерзшие воробьи на веточке. – Ознакомьтесь. Завтра жду вас в это же время.

Я взяла конверт, попыталась всунуть его в крохотную сумочку, поняла, что это бесполезно, и прижала конверт к груди.

– А что за наследство? – спросила я.

– Оно больше, чем вы можете вообразить. – Сфинкс прикрыла глаза, словно забыв обо мне.

Я пробормотала «до свидания», вышла из кабинета, надорвала конверт и вытащила верхний листок.

«Находясь в здравом уме и твердой памяти, передаю Василисе Егоровне Вороненко все свое имущество, в том числе:

Дом (переулок Чертополоховый, № 1)...»

Сердце мое оборвалось, а потом заколотилось, как набат. У меня теперь есть дом!

Я влетела в квартиру, на ходу сбрасывая туфли, ворвалась в кухню, сгребла Юльку, колдующую у плиты над сырниками.

– Дом! Дом! Я получила в наследство дом!

Юлька завизжала, мы заскакали по кухне, как две бешенные козы.

– Давай же рассказывай скорее! – Подруга схватила меня за плечи и затрясла, как будто ожидая, что так слова быстрее из меня выпадут.

Я протянула ей конверт.

– Нотариус выдала мне вот это, сказала ознакомиться. А завтра в то же время прийти к ней. Там какие-то условия.

– Какие еще условия? – Спыхватившись, Юлька сунула конверт обратно мне, а сама бросилась к сковороде. – Подгорели немного, замаскируем сметаной...

– Я еще не читала.

– А какой размер пошлины надо оплатить? – спросила подруга. – Какие справки предъявить? Там наверняка куча мороки.

Я опустила на стул, вздрогнула, покосившись на бомжа, нарисованного Юлей как раз на уровне стола.

– Слушай, а ведь она у меня даже паспорт не попросила, – осенило меня. Кровь бросилась в голову, пульс застучал в висках.

– Давай читай, – кивнула на конверт Юля. – Вслух.

Я послушно открыла конверт, вынула лист, исписанный от руки. Чернила были густые, темные, с крупными приставшего песка. Крупный заголовок выделялся наверху страницы витиеватыми закорючками.

– «Условия для наследницы ведьмы», – упавшим голосом прочла я. На кухне повисла пауза, еще более зловещая, чем одинокая шляпка в пруду на стене. Я закусила губу, сдерживая злые слезы обиды.

– Вот сволочи! – в сердцах бросила Юлька. – Что за дурацкий розыгрыш? Хотя ты была бы зачетной ведьмой – буйные кудри, зеленые очи, острый язык...

– А сама? Думаешь, меня обманет твой образ нежного цветочка? Я-то знаю, какие черты водятся в тихом омуте.

– На меня стрелки не переводи, мне ведьмино наследство не предлагают.

– Ладно, проехали. Что там за условия? «Собрать урожай тыкв с огорода, не менее сорока двух штук, использовать в последнюю ночь октября».

– Как использовать? – уточнила подруга. – Сварить тыквенный суп и раздать бедным?

– Написано: «подробнее смотри в книге-чудеснице».

Я заглянула в конверт – пусто. Где эта книга?

– Выбрось каку, – посоветовала Юля. – Кто-то решил поглумиться.

– А вот смотри, последний пункт, наверное, самый важный, написан большими буквами: «Принять участие в шабаше ведьм, надев ведьмин кулон. – Подчеркнуто. Схему прилета смотри в книге-чудеснице». Где эта книга? Я ее хочу! Похоже, там ответы на все вопросы. И что за кулон?

– А метлой, надо полагать, тебя обеспечат. – Юлька села за стол, подвинула ко мне тарелку с сырниками, плюхнула сбоку кляксу сметаны.

– Пункт два. «Кормить кота».

– Без кота честной ведьме никак, – согласилась Юля. – Ешь давай, пока не остыло.

– Не хочется, – вздохнула я, окинула взглядом список. – Понимаешь, когда я прочитала эти строки – «передаю все имущество, в том числе дом», – у меня мозги напрочь отшибло. Такая эйфория охватила! Это было бы решением всех моих проблем.

– Да, как-то подозрительно вовремя это, – заметила Юля. – Может, твоя Наталья Борисовна балуется?

– Если так, то она окончательно свихнулась, – пробурчала я, вставая из-за стола.

– И что теперь? Голодать из-за нее?

– Да все в порядке. Нет аппетита. Бомж и вурдалак как-то не способствуют, – кивнула я, указывая на стену. – Знаешь, а ведь моя мымра на твоём таланте может состояние сколотить. Будет сдавать квартирку желающим похудеть.

Я ушла в комнату. Одежда, не уместившаяся в чемодане, лежала на кресле, книги ровными стопочками перекочевали на стол, в пластиковом контейнере устроились свежие кусочки мыла, каждое завернуто в отдельный лоскуток ткани. Что бы я делала без подружки? Я уселась у раскрытого ноутбука, тайком обернулась на дверь, и ввела в поисковик адрес.

Как и ожидалось, Чертополохового переулка не нашлось.

Юлька уехала в общежитие готовиться к семинарам, а я провела день в бытовых хлопотах: собрала вещи, устроила большую стирку, разморозила холодильник. Вымотавшись за день, почти забыла об утреннем происшествии.

Вечером забралась в ванну, от души добавив туда пены. Откинула голову, прикрыла глаза, наслаждаясь успокаивающими ароматами бергамота и можжевельника. Розыгрыш с наследством замаячил на задворках сознания. Если бы не мои глупые надежды, я бы сразу поняла, что с Эльвирой Протосовной что-то не так. Да у нее даже компьютера на столе не было!

И все же, все же, как бы мне хотелось переехать из съемной квартиры в собственный дом! Стены из бруса, красная черепица, у крыльца кусты пиона с маленькими розовыми тычковками бутонов... Так, не надо про тыквы. Пусть у крыльца будут ромашки, а еще мята. Удобно – вышел на крыльцо, нарвал для чая или мохито... На деревянной двери бронзовый молоток для гостей, ненавижу, когда трезвонят. Пушистая серая кошка ждет меня на подоконнике, таращась в окно желтыми глазищами. Я вздрогнула и открыла глаза. Кошка в моем воображении получилась тощая и злая, как собака. Я села, подтянула колени к груди. А вдруг есть крохотная вероятность, что наследство – настоящее? Вдруг так карты сошлись, что моя далекая чокнутая бабка нашла такого же чокнутого нотариуса? Может, они были подружками, вместе ходили на собрания-шабашки анонимных ведьм, где ели тыквенный суп-пюре и обсуждали нелетную погоду. Тогда где-то в доме номер один в Чертополоховом переулке сидит голодный кот и ждет, когда же наследница явится выполнять пункт номер два – кормить кота.

Я вылезла из ванны, намазалась кремами с головы до пят. Волосы сушить не стала, вечное проклятие кудрявых: переусердствуй с феном, и получи копну на голове в подарок. Вместо этого помяла влажноватые пряди с муссом для укладки, разобрала волосы пальцами. Надев халат, вернулась в комнату и, забравшись с ногами на диван, взяла злополучный конверт. Я вынула лист, повернула другой стороной... и замерла, глядя на карту. Чертополоховый переулок все же есть!

Я шагала по узкой улочке в историческом центре города. Желтые пятна фонарей отражались в лужах, мокрая брусчатка влажно блестела, как рыба чешуя. Я заглянула еще раз в карту, начертанную уверенной рукой. По всему выходило, что Чертополоховый переулок начинается от перекрестка улиц Красивая и Каштановая. Я вышла на указанный перекресток, повертела головой по сторонам. Живописные пешеходные улочки днем расцветали кафешками, любимыми молодежью, здесь часто выступали уличные музыканты, на лавках и прямо на бордюрах устраивались художники. Сейчас только ветер играл с конфетными фантиками да ворошил окурки.

Я поежилась, натянула поглубже шапку, пряча сырые волосы от ночной прохлады. Никакого переулка нет. Значит, все-таки розыгрыш. Я испытала странное чувство облегчения и разочарования, скомкала листок с картой и собиралась выбросить его в урну, когда мой взгляд упал на рыцарские доспехи, выставленные на углу возле маленького ресторанчика на потеху публике. Рыцарь был укомплектован по полной программе: набрюшник, наколенники, наплечники и прочее, вот только наголовника, то бишь шлема, не было. У меня даже фото есть, где я стою за этими самыми доспехами, подставив вместо отсутствующей рыцарской головы свою.

А сейчас над широкими плечами рыцаря, прикрытыми плетеным кольчужным воротом, сияли два желтых глаза.

Я издала тихий сдавленный писк, а потом разглядела кота. Он сидел на плечах рыцаря, сливаясь с ночным мраком; две маленькие желтые луны гипнотизировали меня. Кот вдруг враждебно зашипел на меня, продемонстрировав сломанный клык, спрыгнул с доспехов и юркнул в узкую арку за спиной рыцаря. Стоп! Какая еще арка? Здесь только что была сплошная стена!

Я шагнула за ускользящим черным хвостом, протиснувшись в щель, над головой в лунном свете голубовато блеснула табличка «Чертополоховый пер.». Кот перемахнул через низенький забор и исчез во дворе. Деревья шептались на ветру, пахло прелыми листьями, луна выставила из-за тучи бледную щеку, и дом вырос прямо передо мной.

Я вцепилась пальцами в деревянные штакетины, потянувшись вперед, жадно впитывая детали: стены из бруса, мансарда, над дверью полукруглое витражное окно, на крыше флюгер – женская фигурка верхом на метле. Луна натянула на себя покрывало облаков, и дом словно отступил во тьму. Я выдохнула, разжала пальцы. У меня появилось ощущение, что теперь дом всматривается в меня, осторожно примеряет к себе.

– Я вернусь завтра, – пообещала я. – И мы с тобой познакомимся.

К Эльвире Протосовне я завалилась без стука, бесцеремонно села на край стола, шелкнула пальцами по металлическим шарикам-маятнику.

– Я жажду подробностей, – сообщила я. – Что за ведьмино наследство? Имеет ли какую-нибудь юридическую силу эта бумажка? – Я швырнула помятый листок бумаги на стол. – Что вообще происходит?

Эльвира подняла на меня глаза, рыжие пружинки ее волос вдруг зашевелились, приподнялись, и я аккуратно сползла со стола.

– Доброе утро, Василиса Егоровна, – ответила она, чеканя слоги под равномерный стук шариков. – В документе все написано: ваше наследство – это дом с прилегающим участком, самоходная ступа, а также мебель, домашние питомцы и все прочее, что находится в доме.

– Это же бред, – возразила я. – Моя бабка была не в себе? Старенькая совсем была, наверное.

– Она достаточно пожила, – уклончиво ответила Эльвира Протосовна, – но уверяю вас, сохранила острый ум. Что касается юридической силы документа, поверьте, ваше наследство никто оспаривать не будет. В ваш дом никто не попадет без вашего позволения.

Ваш дом... Слова прозвучали музыкой. Я вспомнила витраж над дверью и запах листьев.

– Так вы согласны? – спросила Эльвира. В глубине карих глаз загорелись белые огоньки, они кружились по спирали, рассыпаясь искрами, затягивая в темную глубину, и я медленно кивнула. – Тогда распишитесь вот здесь. – Голос Эльвиры прозвучал будто из тоннеля, отозвавшись в ушах гулким эхом. – Нет, ручка вам не нужна.

Я почувствовала легкий укол, потом мой палец прижали к листу.

– Поздравляю! – Меня вышвырнуло из водоворота, я ошарашенно осмотрелась, инстинктивно потянула в рот уколотый мизинец. Капля крови алой бусинкой набухла на подушечке пальца. – Теперь вы можете ознакомиться с вашим наследством. – Эльвира брякнула о стол связку ключей. Я сгребла ее, сунула в задний карман джинсов.

– И вот еще – подарок Маргариты Павловны. – Она протянула кулон, качающийся, как маятник, на тонкой серебряной цепочке. В крупном черном камне вспыхивали красные искорки. – Берегите его, он вам пригодится. Именно его вы должны надеть на шабаш.

Я спрятала ведьмин кулон в рюкзак, пошла к выходу.

– И не забудьте, Василиса Егоровна, наследство станет вашим через год, если вы выполните все условия договора.

Последние слова прозвучали уже из-за двери. Я вышла на улицу, майское солнышко окутало меня теплом, и я словно оттаяла. Поднесла к глазам бумажку – договор на пользование имуществом. Внизу листа увидела кровавый отпечаток мизинца. Что это было? Гипноз? Я рухнула на ближайшую скамейку, поморщилась и вынула из кармана ключи, больно впившиеся в попу. Связка была тяжелой и чуть теплой. Один ключ отливал бронзой, головку в форме ромба покрывала хитрая вязь, два желобка шли по штоку, переплетаясь друг с другом, на бородке по обеим сторонам торчали треугольные зубчики. Второй оказался совсем простым: кольцо головки, гладкая ножка и прямоугольный хвостик. Таким мама закрывала одежный шкаф. Она прятала ключ в хрустальной вазочке в серванте, и я всегда клала его на место, перемерив мамин гардероб. От третьего ключа я отдернула руку – он был холодным и немного влажным. Острые черные зубцы покрывали длинный шток, скалясь во все стороны, прямоугольная головка заржавела. По-видимому, этим ключом бабка-ведьма пользовалась очень редко.

От созерцания ключей меня отвлек звонок мобильного. Я вздохнула, увидев имя, и обреченно поднесла трубку к уху.

– Доброе утро, Наталья Борисовна.

– Кому как, – глумливо ответила хозяйка. – Я смотрю, ты тут уже и вещи собрала.

Я поморщилась, представив, как она ходит по квартире, заглядывает в чемоданы, трогает мою одежду.

– Вы не оставили мне выбора.

– Ой-ой-ой, для такой квартиры, да еще в центре, прекрасная цена. – Она шумно втянула воздух, и я поняла, что она нюхает мое мыло.

– Квартира стала прекрасной после того, как я привела ее в божеский вид.

– Ну так и нанялась бы еще куда полы мыть по вечерам, ты ж девка здоровая, как раз и деньги бы на съем... – Она запнулась и после паузы завопила: – А это еще что?!

Я нажала на отбой. Похоже, она увидела Юлькину фреску. Надо спешить, пока мои вещи не вылетели из окна.

Уезжала я с шумом и помпой. Наталья Борисовна грозила мне страшными карами, зывала к совести, требовала вернуть все как было.

– Это как? – осведомилась я, затаскивая чемоданы в лифт. Хозяйка квартиры была так любезна, что выставила их на лестничную площадку еще до того, как я пришла домой. – Может, снова наклеить обои цвета соплей?

– Зеленый успокаивает!

– Вам бы не помешало, – согласилась я.

Она выдрала у меня из рук ключи от квартиры и гордо удалилась, бухнув за собой дверью.

Я спустилась во двор, в несколько заходов перетащив чемоданы к лавочке, вызвала такси. Дяденька-таксист любезно утрамбовал мой скарб в багажник, уселся за руль.

– Куда едем?

– На пересечение Красивой и Каштановой.

Я несколько раз порывалась позвонить Юльке, но в конце концов спрятала телефон поглубже в рюкзак. Она бы меня в два счета отговорила. Я боялась, что если сейчас не поеду в Чертополоховый переулок, то дом растает, как сон. А вдруг он мне привиделся ночью? Я испугалась до холода в груди, сжала в руках связку ключей, как талисман. Нет, не может быть. Моего воображения не хватило бы на витражи и флюгеры, это по Юлькиной части. Я нащупала на дне рюкзака кулон, достала его. Крупный овальный камень был темен, как безлунная ночь. Казалось, он поглощает свет, даже в салоне такси будто бы потемнело. Я спрятала украшение поглубже в рюкзак – носить подарок бабули совсем не хотелось.

– Где вас высадить? – спросил таксист, глядя на меня в зеркало заднего вида.

– А вот прямо здесь, – ответила я, завидев знакомые доспехи.

Пока дядька вынимал мои чемоданы, я пыталась разглядеть арку за рыцарем, но солнце нещадно светило, и доспехи сияли так, что было больно глазам. Я расплатилась, подтащила вещи к рыцарю и замерла. Арки не было. Передо мной стояла кирпичная стена без единой трещинки. Я чуть не расплакалась. И что теперь делать? Биться об нее с разгона, как на платформе девять и три четверти?

Я подошла вплотную к рыцарю, ключи тихо звякнули в руке, и стена вдруг поплыла. Кирпичи стали полупрозрачными, будто нарисованными на целлофане, дрожащем на свежем майском ветру. Люди вокруг замедлились, их движения стали тягучими, мальчик на роликах скользил вперед как улитка, завязшая в киселе. Я шагнула назад, и мальчишка вихрем промчался мимо, стена снова стала сплошной. Шаг вперед – и мир застыл. Я подтащила чемоданы вплотную к рыцарю, по одному перебросила их в арку и шагнула следом.

Я поплелась по узкой тропинке, цепляя на чемоданы репы. Обернулась – арка никуда не подевалась, вытянутый проем виднелся в кустах чертополоха, до меня доносился людской гомон. Во внутренний дворик, куда я попала, не выходила ни одна дверь. Стены домов очерчивали ровный прямоугольник, внутри которого спряталась моя избушка. Интересно, что думают о ней соседи?

В окне на первом этаже появилась девушка. Она поливала цветы из пластиковой бутылки и отрешенно смотрела прямо на меня. Я видела розовый страз сережки в ее носу, размазанную тушь под левым глазом, красное пятно на белой майке, прямо на животе, наверное, капнула вареньем. Я помахала ей рукой, но девушка никак не отреагировала. Она посмотрела на безоблачное небо, улыбнулась и скрылась в комнате. Она не видела меня, не видела дома. Кто знает, что за картинка стояла у нее перед глазами, может, глухая кирпичная стена, как позади рыцаря?

А ведь все это существует на самом деле: и наследство бабки-ведьмы, и гипно-нотариус Эльвира, и таинственный проход в невидимый двор. Вдохнув побольше воздуха, я повернулась к дому. Он не растаял и не испарился: рыжеватые деревянные стены, черепичная крыша, в траве россыпь одуванчиков. Калитка в низеньком заборчике, скрипнув, отворилась. Я не нашла на ней ни шпингалета, ни крючка. Бросив чемоданы прямо на одуванчики, поднялась на крыльцо. На витраже над дверью висел серебристый месяц в звездной пудре. Три ступеньки вели к деревянной двери с бронзовым молотком. Я тихонько постучала, прислушиваясь. Подергала ручку двери – заперто. Простенький ключ вошел в замочную скважину как по маслу, повернулся, и дверь в мой дом открылась.

Под ноги бросилось что-то черное, я отшатнулась, едва не свалившись со ступенек. Кот запрыгнул на забор, зашипел на меня оттуда, выгнул спину и убежал прочь, задрвав хвост.

– Я смотрю, мне здесь рады, – пробормотала я и вошла в дом, озираясь по сторонам.

В доме царили сумерки. В тонких полосах света клубились пылинки, половицы под ногами тихо скрипели. В прихожей на одноногой вешалке уныло поникло зеленое пальто, бордовый шарф высунулся языком из рукава. Две пары калош резко контрастировали с алыми длинноносыми сапожками. Металлическая лестница спиралью закручивалась на второй этаж, но я решила оставить мансарду на потом. Я прошла в комнату и в ужасе застыла на пороге, осторожно шаря рукой в поисках чего-нибудь тяжелого.

На меня скалился огромный волк. Длинные клыки торчали из-под вздернутой губы, нос сморщился. Волк стоял, припав на передние лапы, готовясь к прыжку. Я кинулась за вешалку, схватила сапожок, выставив вперед острый каблук. Волк даже не пошевелился. Я выглянула из-за вешалки, подумав, швырнула в него сапожком. Тот отскочил от головы зверя, шлепнулся на пол. Волк по-прежнему стоял неподвижно. Я осторожно подошла ближе, волк пялился в сторону прихожей. Чучело!

Я облегченно вздохнула и осмотрелась. Теперь я точно поверила, что попала в дом ведьмы. Деревянные стены были увешаны гирляндами из сушеных лягушек, вязанки трав источали тяжелый горький запах. Все было уставлено оплавленными свечами: длинный скобленный стол, подлокотники кресел, каминная полка, на черном полу белели потеки воска. С потолочных балок свисали крюки, о назначении которых не хотелось думать, тяжелая кованая люстра заросла паутиной.

– Миленко, – пробормотала я и решительно отдернула шторы. Атмосфера ужаса слегка рассеялась, я прикинула, что потребует самых больших усилий по приведению в божеский вид, и первенство безоговорочно получил черный от сажи котел, висящий в камине размером с пещеру.

В углу, куда солнечные лучи не доставали, спрятался террариум, покрытый изнутри зеленоватым налетом. Я наклонилась поближе, едва не ткнувшись носом в стекло, и встретила взглядом с желтыми кругляшами с вертикальными прорезями зрачков. Жаба, огромная, как ведро, пристально пялилась на меня через мутное стекло. Еще одно чучело? – успела подумать я, когда жаба надула щеки двумя желтыми пузырями, внутри у нее заклокотало, захрипело, глаза выпучились, а потом жабу вырвало горстью золотых монет. Она быстро-быстро загребла перепончатыми лапами к себе, пока не собрала все монетки под бледное брюшко, плюхнулась сверху и возрилась на меня с невозмутимым видом.

Я всхлипнула и лихорадочно стала рыться в рюкзаке. Слава богу, здесь есть мобильная связь! Я ткнула в кнопку быстрого набора и с облегчением услышала голос подруги:

– Вася, я уже собиралась сама тебе звонить...

– Можешь приехать прямо сейчас? Уровень тревоги... Блин, Юля, только что на моих глазах жабу вырвало золотыми монетами!

– Ты где?

– В своем доме.

Я встретила Юльку возле рыцаря, схватила за руку, потащила за собой.

– Куда? – только и успела вскрикнуть подруга, как мы оказались в арке. Хорошо, что я сильнее, иначе так и топтались бы у кирпичной стены.

– Вот, – указала я на дом. – Видишь?

– Он настоящий! – ахнула Юлька и обернулась назад. – Ты протащила меня сквозь стену!

Я лишь махнула рукой, расплывшись в счастливой улыбке. Больше всего я боялась, что дом существует только в моем воображении. Но раз Юлька тоже его видит, то сдаваться санитарам рано.

– Пойдем, ты офигеешь!

– Да я уже, – пробормотала Юля, но послушно пошла за мной.

– Волк не живой, – бросила я через плечо, – не пугайся.

Мы вошли в дом, и Юля замерла. Ее и без того большие глаза расширились, загорелись восторгом.

– Вася! Это просто потрясающе! – Она бегала по комнате, трогала камин, продавленные кресла; поскребла ногтем воск на полу. – Какой аутентичный дизайн! Ты только взгляни на эти балки!

Я посмотрела вверх, увидела под потолком гроздь дохлых летучих мышей, и быстренько отвела глаза. Юлька остановилась у террариума. Жаба подгребла под себя лапы, сильнее прижалась пузом к дну, так что, как назло, не было видно ни одной заваливающей монетки.

– Ладно, с этим потом разберемся, – сказала Юля. – Я читала, бывают галлюциногенные жабы. Ты ее, часом, не облизывала?

– Конечно, облизывала, – согласилась я. – Ты ж меня знаешь – хлебом не корми, дай только жабу облизать. Вот как вижу незнакомую жабу, так сразу слюнки текут.

– Амфибрахий, – прочитала Юля табличку в углу террариума. – Вот и познакомились.

Подруга ткнулась в узкую дверь в углу, за которой оказалась до обидного обычная кухня: дубовые шкафчики, овальный стол, под одной ножкой которого для устойчивости лежала тонкая книжка, на стене календарь за прошлый год с Валерием Леонтьевым в сетчатой майке, в углу гудел двухметровый холодильник. Я с опаской заглянула туда, но нашла только заплесневелый кусочек сыра да твердую как камень палку салями. Плита выглядела старомодной, с латунными ручками и тяжелой решеткой над газовыми конфорками, духовка оказалась идеально чистая.

– Наверное, бабка в основном котлом в зале пользовалась, – сказала я. – Выкинуть его надо, там слой копоти в полметра.

– Ты что? – возмутилась Юля. – Ты же теперь наследная ведьма! В чем будешь варить свои колдовские снадобья?

Я заметила у стены под окном пустую тарелку.

– Кота надо покормить! – вспомнила я.

– У меня сметана есть, – сказала Юлька, снимая с плеча сумочку. – Я как раз из магазина выходила, когда ты позвонила. Еще булочки с изюмом и шоколадка.

Я сполоснула тарелку над латунной раковиной, вода текла вполне чистая и теплая. Рядом стояло початое средство для мытья посуды. Поставив тарелку на пол, положила в нее сметаны. Кот материализовался из приоткрытой форточки и, отодвинув черной башкой мою руку, принялся вылизывать сметану, жадно чавкая. Запавшие бока вздрагивали, порванное левое ухо развернулось в мою сторону.

– Кота уже назвала?

Я покачала головой, потянулась погладить питомца, тот яростно зашипел, ударил меня лапой, оставив на кисти три алые царапины.

– Ёшкин кот! – завопила я, отдергивая руку.

– Как вариант, – кивнула Юлька. Она споро вытащила из сумочки маленький стеклянный флакончик, зубами выдернула пробку и плеснула содержимое на мои свежие царапины.

Я ахнула, замахала рукой.

– Надо ведь было продезинфицировать, – рассудительно заметила подруга.

– Что это? – прошипела я сквозь зубы.

– Духи, всучили пробник. Кажется, «Нина Риччи».

– Приятный аромат, – принялась я.

Кот запрыгнул на подоконник, повернул ко мне морду, перепачканную в сметане.

– Отойду-ка я, от греха подальше, – пробормотала я. – Вот так его и назову – Грех. Черный и страшный.

Кот фыркнул и принялся умываться. Похоже, он недостаточно меня уважал, чтобы отзывать, какое бы имя я ему ни придумала.

Мы вернулись в прихожую, обойдя чучело волка по широкой дуге, поднялись по спиральной лестнице, гулко топая по железным ступеням. В мансарде оказалось еще три комнаты. Я, на правах хозяйки, выделила для себя самую большую. Если выбросить – а лучше сжечь – красные бархатные шторы с золотыми кистями и жуткий балдахин над кроватью, на который осело пару мешков пыли, то жить можно. Вторую комнату я определила Юле. Там было относительно миленько: ни жаб, ни летучих мышей. В углу приткнулся безликий коричневый диванчик, стол, погребенный под книгами, стоял у полукруглого окна эркера.

– Лунные дни огородника, – прочитала Юля название книги. – Тебе пригодится, тыквы выращивать.

– Далеко не прячь, – кивнула я. – Поищи там что-нибудь про котов. Как воспитать kota и не прибить его тапкой. Заставь kota уважать себя.

– Есть только книга по таксидермии, – предложила подруга.

– Нет уж, хватит с нас волка. Выглядит как живой! Меня чуть удар не хватил!

Третья комната оказалась самой настоящей лабораторией: всюду склянки, банки, колбы и реторты, полки уставлены плоскими и чугунами. Я с интересом перебирала деревянные ступки с измельченными травами, нюхала тягучие масла в крохотных пузырьках.

– Вася! – воскликнула Юля из-за двери. – Я переезжаю к тебе!

Я прибежала на крик подруги и замерла на пороге самой шикарной ванной, которую я когда-либо видела. Бассейн, выложенный мозаичной плиткой, переливался всеми оттенками синего цвета, душевая кабина была больше, чем кухня, разрисованная Юлей на съемной квартире.

– Ради такого я сама эти тыквы посажу, – пообещала Юля. – И буду их полоть и поливать, и что там еще надо делать с тыквами...

– Окучивать?

– Как скажешь.

– Там еще куча условий.

– Ни слова больше! – Юля прижала палец к моим губам. – Все детали потом. А сейчас будем праздновать!

Мы сходили в магазин, который был совсем рядом с домом, купили закуски и вино. Я уверенно прошла через арку, и тут услышала недоуменный Юлькин вопль. Она стояла у входа, потирая ушибленный лоб. Я протянула руку, взяла подругу за шиворот и втащила в подворотню.

– Без тебя не войти, – поняла она.

– Может, со временем дом и тебя признает за хозяйку, – понадеялась я. – Или придется мне каждый раз тебя встречать. Хорошо хоть мобильник ловит.

Мы откупорили бутылку вина и переходили с бокалами из комнаты в комнату, делясь открытиями. В кладовке я нашла ступу, в которой мы легко поместились вдвоем, но она никак не хотела взлетать, несмотря на все наши «абракадабра», «фокус-мокус» и «вира-майна». Мы по очереди примеряли старую шляпу колпаком, съезжали на скорость по перилам лестницы и спорили, кому целовать Амфибрахия, который нервно трясся на горке монет. Потом мы перебрались в мою спальню, устроились на кровати, сдернув балдахин на пол и застелив чистое белье. Я зачитывала условия договора, скрепленного моей кровью.

– «Заработать колдовством не менее тридцати золотых за год», – прочитала я. – Это как? Я колдовать не умею.

– Слушай, надо тебе снова навеститься к этой Элеоноре Портосовне, – пробормотала Юля, откидываясь на подушки. – Пусть объяснит толком, что к чему.

– Она жуткая, – сказала я. – У нее волосы шевелятся, будто змеи у горгоны Медузы. И белые огоньки в глазах.

– Все равно сходи, я настаиваю. Она обманом заставила тебя подписать договор. Так нечестно!

– Все вроде неплохо вышло, – легкомысленно ответила я. – У меня теперь есть двухэтажный дом в центре города, с участком.

– Бесплатный сыр, – сказала Юля, подливая вино в бокалы.

– Но и я не мышка, – возразила я. – Вот один пункт меня всерьез волнует: «Ежемесячно выполнять договор с инкубом». Инкуб – это демон?

– Вроде бы, – задумалась подруга. – Вот и спросишь, что за договор. По каждому пункту надо пройти. – Она ткнула в середину листа: – Смотри в книге-чудеснице. Где эта книга? Почему не выдали?

– Как думаешь, я тоже этого... того?

– Ведьма? – спросила Юлька. – А то! Видела бы ты себя, когда мыло варишь, – сплошное колдовство.

– Я серьезно.

– А помнишь, как ты боялась политологию сдавать, а преподаватель с гриппом слег, и у вас аспирант принимал? Или как Варька-стервозина прямо перед тобой споткнулась и в лужу грохнулась? А еще ты ешь в три горла и не толстеешь.

– И все это потому, что я ведьма?

– Нет, конечно, – сонно улыбнулась подруга. – Препод подхватил вирус, Варька – корова, а не толстеешь, потому что фитнесом занимаешься и наследственность хорошая.

– Так я ведьма или нет?

– Да забей, – махнула рукой Юлька и отвернулась, удобно устроив голову на подушке. – Если захочешь – будешь ведьмой. Тебе идет черный цвет, особенно с алой помадой... Там видно будет. Утро вечера мудренее.

Проснулась я от того, что кто-то со всей дури колотил в дверь. Каждый удар отзывался в голове тупой болью, и казалось, что стучат прямо в моей черепной коробке.

– Да иду уже! – крикнула я и поморщилась от собственного голоса.

Я спустилась по лестнице, протопала на стук и наткнулась на запертую заднюю дверь. Я вернулась в прихожую, нашарила ключи в рюкзаке, висящем на вешалке, и поспешила назад. Стук не прекращался. Маленький ключик не подошел, я сунула в замочную скважину бронзовый ключ и поскорей распахнула дверь, чтобы избавиться от ужасного грохота.

И замерла. Передо мной стоял высокий мужчина с русой бородой, мышцы плеч бугрились от напряжения под полотняной рубахой и кольчужной жилеткой. Он держал на весу длинный блестящий меч, в котором я, скосив глаза, увидела собственное отражение: волосы сбились и стояли кудлатой башней, как у Мардж Симпсон. Я запоздало поняла, что не смогла найти в чемоданах сорочку, поэтому стою сейчас перед незнакомым мужиком в длинной майке, едва прикрывающей попу, с надписью «улетная девчонка».

Мы продолжали молча разглядывать друг друга. Я разумно решила, что лучше предоставить право слова мечнику, а то ляпну чего-нибудь не того – и голова с плеч.

– Ведьма! – воскликнул он.

– Где? – Я испуганно обернулась.

Мужчина опустил меч, скользнул по мне взглядом, смущенно отвел глаза.

– Позволишь войти? Я воевода Ярополк Всеволодович. По царской воле слежу за порядком в наших краях.

Я услышала легкие шаги позади себя, из-за плеча выглянула Юлька.

– Ой, это вчерашние стриптизеры? – обрадовалась она. – Мы все же их заказали? А то я смутно все помню...

Позади воеводы топтались два рослых парня, жадно разглядывая наши с Юлькой фривольные наряды. Она, в отличие от меня, сумела найти, что надеть, и теперь щеголяла в моем желтом халате.

И тут я поняла, что кирпичные стены домов вокруг двора исчезли. За забором стелился сочный луг, солнце висело над ельником, окаймлявшим горизонт, справа, внизу холма, как шляпки грибов выглядывали деревянные крыши избышек. Петух прокукарекал совсем рядом, и мы с Юлькой синхронно поморщились. Я увидела во дворе колодец и указала на него воеводе:

– Водички принесешь?

Ярополк нахмурился, спрятал меч в ножны, закатал рукава и взялся за ворот. Люблю смотреть, как люди работают, особенно так споро и ладно. Воевода притащил ведро, без сказки повернул на кухню.

Мы с Юлей гуськом прошлепали следом, зачерпнув воду из ведра, жадно приникли к чашкам.

– Меня Василиса зовут, – представилась я, вытирая губы. – Я здесь новенькая, только вчера наследство получила.

– Да вся деревня ваш шабаш слышала, – хмуро сказал Ярополк. – Я поэтому и приехал.

– Какой еще шабаш? – возмутилась Юля.

– А я тебе говорила – не ставь Бибера. В общем, ошибочка вышла, – сказала я. – Нету тут ведьм. Мы обычные девушки.

– Обычные девушки ведьмины избы не наследуют, – возразил воевода. – Не отнекивайся, Василиса, я тебя, ведьму, сразу почуял – сердце колотится, как в припадке, нутро плавится.

Юлька захихикала, но получив от меня локтем в бок, заткнулась.

– Я к твоей тахикардии не причастная, – ответила я. – И вообще, чего надобно?

– Порядок такой: ведьма должна присягнуть царю на верность, служить верой-правдой... или хотя бы не сильно пакостничать. К тому же беспокойно в царстве, из Сумеречного леса то и дело темные твари выбираются... Подсобила бы?

– Это как? – опешила я.

– Разные могут быть варианты, – задумался Ярополк. – К примеру, сов-разведчиков запустить хорошо бы, или такое зелье сварить, чтобы наши воины непобедимыми стали. Со старой ведьмой мы ладили. Хотя и мерзкая была бабка, а все же можно было договориться.

– А мне какая выгода вам помогать?

– Мы, к примеру, за это не будем тебя сжигать.

– Умеешь ты убеждать, Ярик, – вздохнула я. – Расскажи еще про бабку, – попросила я, усаживаясь на стул. – Какая она была?

– Старая, страшная, злобная ведьма. – Каждое слово припечатывало, как приговор.

– Как она умерла?

– Ее нашли в огороде, уже холодную. Может, сердце прихватило, да и старая она была, лет триста тут жила. Две недели назад похоронили. На церковное кладбище поп не пустил, так что могилка возле леса, под ивой у пруда.

Светло-голубые глаза Ярополка устались на мои голые ноги, и я рефлекторно натянула майку ниже, прикрыв колени, но вырез в итоге растянулся едва не до пупка. Воевода вскочил, чуть не опрокинув стул, и поспешил к входной двери.

– Ты осваивайся, Василиса, и если что надобно будет, то я тут, в деревне. Только сама долго по округе не гуляй, сразу ко мне иди, спросишь воеводу, меня все знают. А то ведьм в деревне не особо любят.

– Приятно было познакомиться, – выкрикнула в широкую кольчужную спину воеводы Юлька. – Хорошенький, – добавила она, когда дверь с грохотом закрылась. – Глазки такие красивые.

– Симпатичный. – Я набрала еще водички из ведра. – Вкусная! А холодная – аж зубы сводит.

– Побрить бы его еще...

– Нашла о чем думать! – запоздало возмутилась я. – У нас тут проход в другой мир открылся, а ты – побрить, хорошенький! Видела бы ты, как он на меня мечом замахивался! Хорошо, я с похмелья тупила, а то не было бы у тебя подружки.

– Ладно, помнится, вчера у нас созрел план: позвонить нотариусу и потребовать объяснений. Похоже, она единственная в курсе двух миров и всех этих условий про тыквы.

Я сходила за мобильником, нашла номер в памяти.

– Алло, Элеонора Портосовна, – сказала я в трубку. – То есть Эльвира Протосовна. Это Василиса...

– Говорите. – Если бы голосом можно было заморозить, я бы уже упала на пол и разбилась на миллионы ледяных осколков.

– У меня появились вопросы по поводу наследства. Могли бы вы кое-что разъяснить?

– Консультация – пять золотых за час.

– Сколько? Это по какому курсу?

– В рублях я консультирую только по делам техномира.

В трубке раздались короткие гудки. Я нажала на отбой и пошла в комнату. Жаба в террариуме словно почувствовала, что пахнет жареным – повернула голову, вжалась влажными телесами в пол.

– Нам надо раскулачить Амфибрахия, – твердо заявила я.

Я натянула желтые резиновые перчатки едва не до локтей, нацепила на нос очки для плавания.

– Тут пишут, что железы жаб впрыскивают яд, только если хищник их прокусит, – прочитала Юлька с ноута. Она встала рядом со мной и раскрыла сиреневый зонтик, я покосилась на нее с недоумением. – Но лишняя осторожность не помешает.

Прячась за Юлькиным зонтиком, я опустила руки в аквариум, сжала влажные бока Амфибрахия, пальцы погрузились в вялую тушку. Я попробовала его приподнять – не тут-то было. Амфибрахий будто приклеился к полу, уперся кривыми лапами, как бульдог.

– Попробуй его спихнуть, – посоветовала Юлька. – Подтолкни под попу.

Я попыталась засунуть руку под жабу, выскрести монетки, но Амфибрахий вдруг надулся, в шее у него что-то заклекотало, и я в испуге отдернула руки.

– Он весит килограммов двадцать, – пожаловалась я. – И лапами держится.

– Давай лопатой подковырнем, – предложила Юля.

– Пораним еще. Он только с виду грозный, а так мягонький. Да и в условиях было что-то про жабу.

Юлька сбегала в спальню, принесла листок.

– «Пятый пункт, – прочитала она. – Кормить златоносную жабу по четным дням, десять червей не менее вершка длиной». А ведь сегодня шестое!

Червей я нарыла в навозной куче за сараем. В этом мире у меня был сарай, заваленный всяким барахлом, вниз по холму сбегал заросший бурьяном огород, упираясь в частокол, увешанный чугунками, сирень у дома цвела предгрозовым облаком.

Я опустила червей в мисочку в углу террариума, поставила рядом плоску с чистой водой и ушла на кухню под пристальным взглядом Амфибрахия, а за углом присела и на четвереньках вернулась назад в комнату, держась ниже террариума, стоящего на приземистом колченогом столике. Жаба некоторое время сидела без движения, потом поковыляла к тарелочке.

– Давай! – взвизгнула Юлька, стоящая на стреме на лестнице в прихожей.

Я подскочила, запустила руку в террариум, сгребла горсть монет и отпрыгнула в сторону. Амфибрахий метнулся назад, упал на кучку золота, растопырив лапы, червяки расползлись из тарелки по всему террариуму.

– Ну что, сколько там? – приплясывала от нетерпения Юля.

– Семь, – пересчитала я монетки. – Прости, бро, мне это правда было нужно.

Жаба презрительно отвернулась. Длинный язык розовой молнией выстрелил в червяка.

– Он утешится, – успокоила меня Юля.

Юлька отправилась в общежитие за вещами, я взяла с нее клятву, что одну она меня здесь не бросит. А я шаталась по дому, прибирая следы вчерашнего шабаша. На столе высились горка мандариновых шкурок, пол усыпали фантики от шоколадных конфет. Чучело волка обзавелось веночком из привядших одуванчиков. Я стянула венки, бросила его в мешок для

мусора, отряхнула макушку волка от сора и, заметив какое-то движение, склонилась ниже, развернула шерсть. Блохи бросились врассыпную под моими руками. Я взвизгнула, отскочила в сторону и, схватив рюкзак, выбежала из дома.

Вернулась я с тремя флаконами шампуня из зоомагазина. Поразмыслив, обвязала волка бечевкой под передними лапами, потащила вверх по лестнице волоком, стараясь не обращать внимания, как гулко стучит голова зверя по ступенькам. Я поставила чучело в душевую кабину, включила теплую воду и, надев злополучные желтые перчатки, принялась мылить густую шерсть. На глаза наворачивались слезы то ли от жалости, то ли от брезгливости, то ли от едкого звериного запаха. Я старалась не смотреть на слив, где в грязной пене кишели паразиты. Похоже, я застряла в ванной надолго.

Там Юля меня и застала.

– Представляешь, арка меня пропустила, – сказала она, крутя на пальчике ключи от дома, которые я ей вручила перед выходом. – То ли дом признал меня за свою, то ли ключи так работают. А ты что делаешь? Разве это было в условиях – банные процедуры для чучела?

– Нет, – ответила я, прилаживая к голове волка козырек на резинке, в котором я любила кататься на велосипеде. – Это чисто моя инициатива.

– А кепка зачем?

– Чтобы мыло в глаза не попало, – ответила я.

– А чучелу не все равно?

– У него блохи. Он живой.

Я в очередной раз смыла пену с боков волка и, будто в подтверждение моих слов, почувствовала, как под руками бухнуло сердце.

Юлька ахнула, прижала руку ко рту.

– Боже мой! Ведьма его заколдовала?

– Похоже, что так. Представляешь, какая мука? Он стоит тут неизвестно сколько и даже не может почесаться!

Я распрямилась, держась за поясницу.

– Слушай, Юля, поищи, пожалуйста, в чемоданах мое масло с календулой.

Подруга быстро вернулась с бутылочкой, в которой перетекала янтарная жидкость. Я обильно смочила густую шерсть, стараясь втирать масло поглубже.

– Вот так, сейчас зуд уймется, – бормотала я. – Тебе станет легче. Потом тебя высушим, расчешем, и хоть на выставку.

Я вытащила волка из душа, поставила на пол в ванной. Пожертвовав собственным полотенцем, хорошенько вытерла мокрую шкуру. Закапала в ореховые глаза капли из того же зоомагазина.

Юлька присела рядом, потрогала черный нос.

– Влажный, – сказала она. – А изо рта как несет!

Она тщательно вычистила волку зубы новой щеткой, как смогла, выполоскала пасту шлангом из душа. С шерсти быстро натекла лужа.

– Без фена не обойтись, – сказала я. – Юлька, может, ты займешься? А я пока душ почищу и сама помоюсь. У меня теперь у самой все зудит. То ли нервное, то ли тоже блохи.

– Сделаю, – кивнула подруга, а я залила в поддон душа чистящее средство и принялась за работу. Прикидывая, сколько всего мне еще придется отмыть, чувствовала себя Золушкой, а не ведьмой.

Отдраив душ, а потом и себя, я завернулась в полотенце и выбралась в ванную. Волк стоял все в той же позе, слегка припав на передние лапы, нос был сморщен, из-под верхней губы выступали длинные клыки. Но теперь шерстка у него пушилась, как у плюшевой игрушки, а на макушке меж ушей торчал маленький хвостик, завязанный розовой резиночкой.

Юля задумчиво перебирала пальцами шерсть.

– Как думаешь, ты сможешь его расколдовать? – спросила она.

– Окстись, мать, – удивилась я. – Мое знакомство с магией заканчивается гаданием на картах в летнем лагере.

– А ведь ты тогда очень точно все предсказывала, – задумалась Юля. – Ведьмино наследство обычным девушкам не достается – так ведь воевода сказал. Твоя троюродная бабка – ведьма, значит, и в тебе ведьмина кровь, пусть капелька, но все же. И ведь есть в тебе что-то такое, колдовское, – то погоду предскажешь, то билет на экзамене. Цыгане от тебя всегда шарахались. А ты сама сразу людей чувствуешь, – кто врет, от кого лучше держаться подальше. А какое мыло у тебя получается! Мои соседки по общежитию готовы всю стипендию за обмылок отжалеть. Способности надо развивать. Это то, что дано свыше.

– А вдруг этот дар, так сказать, с нижних этажей? – спросила я. – Если ведьмина кровь – проклятье?

– Всякий дар можно использовать во благо, – отрезала Юля. – Раз ведьма смогла заколдовать волка, то другая сможет его освободить, не так ли?

– И что потом? Он сожрет нас в качестве благодарности? – резонно возмутилась я. – Посмотри на его морду! Это же хищник. Как пить дать, сожрет и не поморщится. Он ведь и голодный поди, как... как волк.

Юля вздохнула, потрепала острые серые уши.

– И все-таки это неправильно. Жестоко.

– Ладно, можешь тут предаваться жалости, а я – к нотариусу. И если я опять назову ее Портосовной, это будет по твоей вине.

– За пять золотых можешь звать ее «эй, ты!».

Вопреки совету подруги, в кабинет нотариуса я вошла, постучавшись и вежливо поздоровавшись. Еще свежа была память о шевелящихся рыжих локонах и белых нечеловеческих огоньках в глазах Эльвиры Протосовны. Хозяйка кабинета в белом костюме сидела за столом, положив руки перед собой. Напротив нее появился стул, я осторожно присела на краешек. Нотариус выжидательно смотрела на меня, и я, спохватившись, вынула из рюкзака пять золотых монет, положила их одну за другой на полированную холодную столешницу. Эльвира сгребла монеты в приоткрытый ящик стола, достала оттуда песочные часы. Белая струйка медленно потекла вниз.

– Что вы хотели узнать, Василиса Егоровна?

– Вы человек? – ляпнула я.

– Мы будем обсуждать меня или вопросы, относящиеся к наследству? – Эльвира многозначительно посмотрела на часы, изогнув тонкую рыжую бровь.

– Вы правы. – Я вынула изрядно помятый договор на пользование домом и листок с условиями. – Во-первых, хочу заметить, что вы обманом заставили меня скрепить договор, так что в случае чего я буду его оспаривать.

Эльвира пристально посмотрела на меня.

– У кого вы его будете оспаривать, Василиса?

– У царя, – нашлась я. – Он ведь там главный?

– Хорошо, – легко согласилась Эльвира. – Но ведь вы решили оставить наследство? Вам понравился дом?

– Он странный, – задумалась я.

Тем не менее нотариус была права, дом мне понравился. Если его хорошенько отмыть, будет конфетка. Перед встречей с Эльвирой я приняла душ, оделась, а потом выпила чашку чая, сидя на ступеньках на заднем дворе, выходящем в иной мир. Пчелы кружились вокруг сирени, гудя, как паровозики. Издали доносился шум деревни. Я вытащила наружу волка, чтобы он проветрился на свежем воздухе. Ветерок гладил его по вздыбленной холке, обнажая светлый

подшерсток. И в какой-то момент я поняла, что наслаждаюсь каждым мгновением. Да, мне определенно там нравилось.

– Тогда пройдемся по условиям, – предложила Эльвира.

Мы продвигались вниз по списку, обводя кружком пункты по очереди. Простая шариковая ручка в гладких руках Эльвиры смотрелась как-то неуместно. Весь кабинет был совершенно белым и стерильным, искусственный голубоватый свет лился из прямоугольной лампы на потолке, из окна, закрытого жалюзи, не проникало ни лучика, ни звука. А вдруг за окном Эльвиры тоже другой мир? У меня руки зачесались проверить свою догадку, но нотариус строго на меня посмотрела, и мы вернулись к бумагам.

Больше всего меня озадачил пункт, согласно которому я должна была выполнять условия договора с инкубом.

– Инкуб – демон похоти, – разъяснила Эльвира. – Мужского пола. Кроме плотских утех его ничего не интересует, так что, полагаю, именно это ему и надо.

– От моей бабки?

– Почему нет? – Эльвира Протосовна несколько не удивилась. – А теперь от вас, Василиса.

– А если я не согласна?

– Инкуб должен быть удовлетворен. Иначе этот пункт условий останется невыполненным.

– И что тогда? – вспыхнула я.

– Тогда, Василиса Егоровна, вы теряете право пользования наследством. – Она вынула из стола желтый конверт – точь-в-точь такой же, как у меня. – А я вручу договор следующей наследнице. Или вы думали, вы единственная потомственная ведьма? Вам нужно продержаться на условиях Маргариты Павловны ровно год, начиная со вчерашнего дня. Потом вы вольны делать что хотите, в том числе расторгнуть договор с инкубом. Вы станете полноправной владелицей дома с выходом в два мира.

– А что это за мир?

– Когда-то миры были едины. – Мне показалось, что на безучастном лице Эльвиры проскользнула затаенная грусть по былым временам. – Но после великого разлома они разделились: в вашем мире развитие пошло по технократическому пути, в том мире осталась магия, а некоторые миры и вовсе погибли. Воспоминания о магическом мире остались в виде сказок и легенд, и почти все они правда, быть может, слегка приукрашенная. Географически это дубль вашего мира за исключением рукотворных изменений земной поверхности. Политическое устройство царства, в котором расположен ваш дом, – абсолютная монархия. В других странах существует разброс вариантов вплоть до парламентской республики.

Во время политического экскурса я слегка заскучала и, в конце концов, бесцеремонно перебила Эльвиру:

– Но если я могу проходить в тот мир, значит, и из иного мира к нам могут попадать разные существа?

– Разумеется, – кивнула Эльвира и обвела кружком еще один пункт договора. – Более того, согласно условиям, составленным вашей бабкой, вы обязаны провести в ваш мир три сущности, которые не являются ни людьми, ни животными. Это могут быть демоны, вампиры и любые другие существа, в которых есть магия.

– А вот этот пункт, – ткнула я пальцем в лист, – заработать ворожбой не менее тридцати золотых за год...

– Тут, по-моему, все понятно, – невозмутимо заметила Эльвира.

– Но я не умею колдовать!

– Так научитесь, Василиса. Возьмите книгу-чудесницу, начните с простых заклинаний – привороты, отвороты, бытовой сглаз.

– Где эта книга?

– Она должна быть в доме, поищите хорошенько. Маргарита Павловна была опытной ведьмой, книга ей была ни к чему, так что, возможно, она валяется где-нибудь в чулане.

– А что мне делать с воеводой? – вспомнила я. – Он требует, чтобы я присягнула на верность царю, хочет сов-разведчиков...

Эльвира откинулась на спинку кресла и выразительно посмотрела на часы. Последняя белая песчинка упала вниз.

Я вынула из рюкзака мобильный; по всему выходило, что я сижу здесь уже час. Быстро время пролетело. Эльвира все так же молча не сводила с меня глаз.

– А шабаш? – ткнула я пальцем в последний пункт. – Я должна принять участие в шабаше, надев ведьмин кулон. Что я там должна делать? Зачем кулон?

Эльвира безучастно молчала. Похоже, бесплатно она мне ничего не скажет. Я встала, натянула лямки рюкзака на плечи.

– Что ж, спасибо за консультацию, – сказала я.

– С радостью встречусь с вами еще раз, Василиса Егоровна. За пять золотых.

– Понятно, – буркнула я. – Надеюсь, дальше сама разберусь.

– И я надеюсь, что вы сумеете выполнить все условия Маргариты Павловны. Мне хотелось бы закрыть это дело.

– Всего доброго, – попрощалась я и, не выдержав искушения, шагнула к окну. Быстро раздвинула полоски жалюзи и отскочила прочь, ослепленная раскаленным добела солнцем, зависшим над красной каменистой поверхностью, изъеденной кратерами.

Эльвира Протосовна посмотрела на меня с укоризной, привстала, тугие рыжие локоны чуть шевельнулись.

– Любопытство до добра не доводит, Василиса...

Я пулей выскочила из кабинета, дверь за мной захлопнулась. Мужчина в деловом костюме, проходящий по коридору, посмотрел на меня с удивлением. Интересно, как бы он отреагировал, если бы я пустилась в объяснения: понимаете, мол, получила наследство от бабушки-ведьмы, теперь мне надо год выполнять ее условия – кормить по четным дням златоносную жабу, колдовать помаленьку, ублажать инкуба. А потом, если я справлюсь, ее дом станет моим по праву, если, конечно, нотариус о чем-нибудь не умолчала. Она, знаете ли, не совсем человек. А за окном у нее неведомая планета, где по безжизненной пустыне ветер гоняет красную пыль.

Ясно, как бы мужчина отреагировал на подобные откровения: если социально сознательный, то вызвал бы санитаров, а если нет – убежал бы прочь, сверкая подошвами блестящих туфель.

Мужчина тем временем скрылся за поворотом, не подозревая, в какой опасной близости от потомственной ведьмы он только что был. Я хмыкнула себе под нос и пошла домой. Надо, в конце концов, найти эту книжку-чудесницу.

Первым делом, протиснувшись через узкую арку, я обошла вокруг дома. Как я и думала, задней двери в нашем мире не было вовсе. Дом окружала зеленая лужайка, усыпанная солнышками одуванчиков, по забору гулял Грех, жмуря от удовольствия желтые глаза, по-видимому, в этом мире ему нравилось больше. Он зашипел на меня, прижав уши к голове.

– Так-то встречаешь хозяйку? – с укоризной спросила я. – А знаешь, что у меня в пакете? Целая пачка отменного кошачьего корма. Специально для пожилых котиков. Ты ведь старичок, судя по виду, вон какой облезлый.

Кот, фыркнув, сиганул с забора и умчался прочь, а я вынула из пакета новенькую блестящую миску, насыпала в нее сухих вонючих комочков и, оставив угощение для кота на крыльце,

пошла в дом. Потрепав по ушам оскалившегося волка, сняла с нижнего клыка чуть влажную записку: «Ушла на занятия, буду в четыре. Ю.».

Я стянула рюкзак, повесила на вешалку. Пошаталась по комнате, поскребла ногтем сажу на котле, попыталась сдернуть вязанку дохлых летучих мышей, но не дотянулась. Можно было бы придвинуть стул, но мне не особо хотелось к ним прикасаться. Перебрала книги на полке над камином, с удивлением наткнулась на собрание сочинений Гоголя, но книжки-чудесницы как не бывало. В конце концов, я вышла во двор.

Солнце в этом мире светило будто бы так же, как и в нашем, и даже висело с той же стороны. Сирень одуряюще пахла, белые капустницы кружились над одуванчиками. Я уверенной походкой вышла за скрипучую калитку и направилась в деревню. Должна же я разведать, что к чему!

Тропинка вилась вниз желтой лентой, окаймленной пушистой травой, потом раздавалась вширь, сливаясь с еще двумя узкими тропками и превращаясь в утоптанную дорогу. Я ловко переступала коровьи лепешки, размазанные колесами телег, не забывая смотреть по сторонам. За низким плетнем женщина развешивала белье перед домом. Длинный подол она подоткнула за пояс, так что были видны бледные колени, русую косу закрутила вокруг головы. Запоздало подумала, что мои джинсы не очень-то подходят к обстановке. Зато синяя рубашка в мелкий цветочек то, что надо – скромно и мило.

Женщина выронила корыто, уставилась на меня.

– Ведьма! – сипло выдавила она.

Двое пацанов выскочили из-за угла дома, повисли на заборе, жадно меня рассматривая.

– Привет, селяне! – Я взмахнула рукой, и ребятишки с визгом умчались, спрятались за мамкину юбку.

Насторожившись от такого радушного приема, я пошла дальше. Сурового вида бородастые мужики задвигали за спины жен, сверля меня взглядами, в щели заборов высовывались любопытные конопатые носы. Шепоток несся впереди меня, как шум прибоя: ведьма, ведьма, ведьма... Так, сопровождаемая всеобщим вниманием, я толкнула тяжелую дубовую дверь под вывеской «Печальный лось» и вошла в таверну.

Я уселась за стойку, рассматривая помещение: потемневшие бревенчатые стены, украшенные коваными подсвечниками, печь в полстены, за столами на лавках сплошь мужики, так и замершие с ложками в руках. Судя по запаху, сегодня в «Печальном лосе» подают уху.

– Чего желаете? – За стойкой появился мужик с лохматой рыжей бородой.

– Сок есть? – спросила я.

– Только из помидоров.

– Пойдет, – улыбнулась я и бросила на стойку золотой. Надеюсь, у него будет сдача. Оставлять чаевые такому угрюмому бармену я не собиралась.

Мужик попробовал монету на зуб, достал кувшин, в глиняную кружку потекла густая красная струя. Я отхлебнула сок, покатала во рту – неплохо.

– Вы откуда к нам? – подал голос мужик. Вряд ли его называют барменом. Корчмарь?

– Оттуда, – неопределенно махнула я рукой. – Получила в наследство дом на холме, вот решила познакомиться с соседями.

– Новая ведьма, – неодобрительно проговорил он.

– Типа того. – Я откинула кудри за плечо, пожалуй, надо будет научиться плести косы. – Но я пока только осваиваюсь. А мою бабку вы знали?

– А то! – Глаза у корчмаря стали колючие, злые. – Ее тут все знали. Думали, слава богу, померла, избавились от колдуньи, уж сколько крови она попила, а тут на тебе – новенькая, молодая.

– Ну знаете, – возмутилась я. – О мертвых или хорошо, или никак. А я вам пока ничего плохого не сделала!

– Пока... – задумался мужик, поскреб пятерней лохматую бороду. – Мужики, а ведьма-то совсем молодая, зеленая. Сколько тебе годков?

– Не ваше дело, – отрезала я, озираясь.

Мужики повставали с мест, заслонили двери.

– Так что, будем ждать, пока в пору войдет?

Мужики зашептались, затолкались, придвигаясь ближе. Я хотела вскочить со стула, но бармен схватил меня за волосы, дернув сильно, до слез, прижал щекой к шершавой столешнице. Второй рукой, ощутимо воняющей рыбой, зажал рот.

– На костер ее! – послышался первый неуверенный крик, который тут же подхватили остальные мужики. – На костер!

Меня выволокли на улицу, протащили до площади у церквушки. Грубые руки сжимали плечи, подталкивали в спину, от рубашки отлетело несколько пуговиц. В рот засунули кляп, которым, судя по запаху, совсем недавно протирали столы. Я не успела опомниться, как меня привязали к высокому столбу, заведя локти за спину. Я тряхнула головой, отбрасывая спутанные пряди, перед глазами все расплывалось от слез. К ногам натащили бревен, хвороста. Детишки, только недавно прячущиеся за мамками, теперь скакали вокруг меня, корча рожи.

Я мычала, пытаясь вытолкнуть языком кляп. От толпы отделился бармен.

– Ты спрашивала, знал ли я твою бабушку...

Он подошел ближе, и я увидела острые копытца, выглядывающие из-под его штанов. В дорожной пыли осталась дорожка полукруглых следов.

– Пришла она как-то, потребовала телячьих отбивных, съела все до крошки, тарелку чуть не вылизала языком своим змеиным, а потом сказала, что мясо жесткое, как у старого лося. И вот я уже который год копытами цокаю.

Мне удалось выплюнуть кляп.

– Зато на обуви небось сэкономишь, – заметила я.

– Огня! – взревел бармен, схватил протянутый факел и, подойдя вплотную, поднял с веток кляп и заткнул мне им рот. – Не дергайся, ведьма. Все твоё оружие – пакостные слова да колдовские взмахи, но руки мы тебе связали, а поганый рот заткнули. Знать бы, как тебя звать, чтоб потом на могилке написать...

– Ее зовут Василиса, – ответил вместо меня низкий мужской голос. – Отойди прочь, Парнас.

Широкие плечи в полотняной рубашке заслонили меня от мужиков, я всхлипнула от облегчения – воевода!

– Не лез бы ты, Ярополк Всеволодович, – недовольно протянул седой старик. – Парнаска дело молвит. Пока ведьма силу не набрала, лучше ее того-этого... Нет ведьмы – нет проблем.

– Проблемы начнутся, когда я царю доложу о вашем самоуправстве, – негромко сказал воевода. Он вынул из кожаных ножен меч, взмахнул им, описав блестящую дугу, и факел упал у его ног, рассыпавшись угольками. – Ведьма под моей защитой.

Народ поскуачел и стал потихоньку расходиться. Ярополк вытащил кляп, перерезал веревки, и я упала ему на руки.

– Василиса, я же сказал, спросишь воеводу, когда в деревню пойдешь, ну куда ты сама полезла! – Он журил меня, неся, как маленькую, а я уткнулась носом ему в шею и глотала слезы. Мне до сих пор не верилось, что меня могли сжечь. Меня собирались сжечь!

Опомнившись, я вывернулась из объятий воеводы, обернулась к селянам и громко выкрикнула, выпростав к небу кулак:

– Вы об этом сильно пожалеете!

Как будто в подтверждение моих слов ветер подхватил пыль на площади, завертел ее маленьким смерчем, вдали горестно взвыла собака. Воевода сердито схватил меня в охапку и потащил к дому.

Дома меня встретила Юля, она встревоженно выслушала краткий пересказ событий из уст воеводы и побелела как мел. Потом обняла меня так сильно, что ребра затрещали.

– Пусти, – прохрипела я, но она только мотнула головой. Кто бы мог подумать, что у такой нежной девушки железные бицепсы. – Мне бы чайку сейчас горячего, нервы успокоить. – Я сейчас! – купилась на мою уловку Юлька и унеслась на кухню.

Воевода наблюдал за нами с интересом, потом прошелся по комнате, присел перед оскаленной мордой волка.

– Лютый все еще здесь, – тихо сказал он. – Бедняга.

– Лютый? У него была кличка? – удивилась я.

– Не кличка, он ведь не собака. Имя. Как и у всякого оборотня.

– Ого! То есть это не просто волк?

Воевода бросил на меня быстрый взгляд, обошел волка с другой стороны.

– Он неплохой был парень, Лютый. Людей не трогал, а что пары овец бывало недосчитывались, так то, может, и не его вина. Он на дичь больше охотился.

– Вася! – Юля появилась в дверях кухни. – Ты должна его расколдовать!

– Ну вот, – застонала я, – теперь она от меня точно не отвяжется. Знала бы как...

– Василиса! – Воевода произносил мое имя нараспев, гласные тянулись, как мед. – Ты на самом деле ни черта не умеешь?

– Не-а, – мотнула я головой. – Я переводами занимаюсь с английского и еще мыло варю. А колдовать и не пробовала.

Ярополк присел на стул, запустил пальцы в русую гриву. Концы волос были слегка влажные, на левом виске виднелся шрам – три параллельные полоски, будто от когтей. Когда он нес меня домой, легко, как пушинку, я по большей части размазывала сопли по его мускулистой груди, но все же успела заметить, какие сильные у него руки и широкие плечи. И пахло от него приятно – мылом и травой, а пшеничные ресницы, подсвеченные солнышком, оказались длинными, как у девчонки...

– Неспкойные сейчас времена, Василиса, – прервал мои мысли Ярополк. – И в твоих интересах обрести хоть какую-то силу. Иначе проглотят тебя и не поморщатся.

– Угу, а перед этим зажарят, чтоб вкуснее глоталось, – добавила я.

– Вася, а может, брось ты это все? – предложила Юля. Она принесла мне дымящуюся чашку чая, обняла за плечи.

– Верно подруга говорит. Ведьмина дорожка скользкая.

– Нет, – упрямо тряхнула я головой. – Это мой дом.

Я обвела взглядом темные стены, закапанный воском пол.

– Воевода, мне ждать какого-нибудь нападения? Ночью с факелами к дому не придут?

– Василиса, твой дом – крепость, в самом настоящем смысле слова. Ведьма такие чары на него наложила – сто лет не развеются. Во-первых, в этот дом никто не может войти без разрешения хозяйки, – начал загибать он пальцы. – И ты уж думай, Василиса, прежде чем кого-то впускать. Во-вторых, дом не подвержен непогоде. Сколько было ураганов, деревья с корнем выворачивало, а этот дом стоит как вкопанный. В-третьих, ты думаешь, его никогда не пытались сжечь?

– Пытались?

– На моей памяти раз пять. Последний – Парнас, когда копытами обзавелся. Не горит.

– Вот пироман хренов, – выругалась я. – Ладно, с селянами разберемся потом, а сейчас – за уборку.

– Подожди, Василиса, давай решим еще один вопрос. – Ярослав схватил меня за руку, усадил назад на стул. Руки у него были горячие и чуть шершавые. – Ты должна присягнуть

на верность царю. Чем раньше, тем лучше. Да и мне спокойнее будет. Так что давай завтра поутру рванем в столицу.

– Это было бы интересно, – задумалась я. – Юльку можно взять? Ты как?

Юлька взвизгнула, подпрыгнула от радости:

– Ради такого я даже универ прогуляю!

– У ведьмы есть подруга, – покачал головой воевода. – Как такое вообще может быть?

Ладно, возьмем. Только, девушки, – он чуть смутился, – нарядитесь уж поскромнее.

– Нужны сарафаны? – деловито осведомилась я.

– Только не штаны, – взмолился Ярополк. – А то вас прямо во дворце и сожгут.

– Ладно, сиди тут, сейчас оценишь мой наряд.

Мы с Юлькой метнулись на второй этаж; чемоданы лежали в комнате открытые, но не разобранные. Сначала следовало повытряхивать ведьмино шмотье из массивного дубового шкафа. Интересно, как она его затащила вверх по узкой винтовой лестнице? Я вынула стопку джинсов, швырнула на кровать.

– Я надену синее, которое на выпускной купила, – решила Юля, перебирая вещи во втором чемодане. – И туфли красные. Слушай, Вася, как думаешь, можно в этом мире фотки сделать? Все обалдеют!

– Можно попробовать. – Я вынула черное облегающее платье, слегка мерцающее на свету. – Вот это длинное.

– Меряй, – велела Юлька, – хотя оно, конечно, все равно развратное.

– Другого длинного у меня нет. Ты же знаешь, я больше мини люблю.

– Надевай скорей! Я хочу увидеть лицо воеводы, когда ты спустишься в этом.

Я быстро натянула платье, облепившее меня, как вторая кожа, сунула ноги в переплетенные ремешки босоножек. Мне и самой не терпелось увидеть реакцию Ярополка. Когда он сел на маленький кухонный стульчик, мне захотелось свернуться на его коленях кошечкой. Если бы он при этом начал меня гладить, я бы точно замурыкала. Конечно, такая реакция на него связана с тем, что он меня спас. Но теперь я только и думала, как бы вернуться в горячие объятия моего героя, только чтоб без костра.

Я спустилась по лестнице, стараясь громко не стучать каблучками, но Ярополк услышал мои шаги и встал со стула. Его лицо вытягивалось по мере моего приближения, и когда я покрутилась перед ним и вопросительно посмотрела в глаза, он выдохнул:

– Нет, Василиса. Да... Да, но нет.

– Это как понимать? – спросила Юлька.

– Платье красивое, и Василиса, но... – Он взмахнул рукой, тшась объяснить.

– Очень грудь видна? – снова вмешалась подруга. – Так такое декольте грех прятать.

На кресло запрыгнул кот, вопросительно уставился на Юльку, выпустив когти в подранную и без того обивку.

– Гляди, Грех запомнил свое имя! – обрадовалась я. – Яр, а станут ли от ведьмы требовать строгого соблюдения приличий? У меня есть еще сарафан розовый, в цветочек, но какая я в нем ведьма? А мне бы убедить в этом народ, чтобы меня не торопились проглатывать.

– Логично, – одобрила мои рассуждения Юля. – К тому же, Ярик, все остальные платья у нее выше колена. Потому что ноги у Васи тоже выше всяких похвал.

– Это я уже знаю, – пробурчал в бороду воевода. – Ладно, похоже, завтра во дворце вы произведете фурор. Но думаю, я сумею отбить вас от поклонников, если что.

– Кстати, – запоздало вспомнила я, – спасибо, что спас меня. Ты вышел один против толпы...

Я встала на цыпочки, чтобы чмокнуть его в щеку, но воевода шархнул от меня, как черт от ладана.

– Единственное, чего я испугался, когда мальчишка прибежал ко мне с известием, что ведьму собираются жечь, – сказал он из дальнего угла, – так это того, что не успею.

– Но ведь их там была целая деревня, некоторые вилы притащили, топоры, – не сдавалась я, подходя ближе.

– Василиса, – ласково произнес Ярополк, пятясь в сторону, и сердце мое растаяло от того, как прозвучало мое имя в его устах. – Я воин, более того, во мне кровь берсерка. С мечом я практически непобедим.

– Кровь берсерка? А берсерки... они кто? Не люди? – задумалась я.

– Люди, да не совсем. В бою я сам себя боюсь.

– Послушай, Яр, мне как раз по условиям нужно провести в наш мир трех существ, которые не совсем люди, – вспомнила я. – А ты, получается, именно такое существо. Поэтому приглашаю тебя в наш мир.

– Хорошо, – согласился Ярополк. – Только сначала к царю. И что за условия?

Юлька протянула ему листок, и пока воевода уткнулся в него, изучая, мы обе поднялись наверх.

– Похоже, Ярик впечатлился платьем, – заметила я.

– Впечатлился? Да у него даже борода дыбом встала!

Я швырнула в Юльку подушкой, и подруга, смеясь, повалилась на кровать.

– Но он явно меня избегает.

– От тебя не убежишь – куешь железо, пока горячо. Успела на свидание парня зазвать.

Я пригрозила Юльке второй подушкой, и она подняла руки вверх, сдаваясь.

– Он спас меня от смерти, – сказала я. – Такое не забывается. Я до сих пор не могу в это поверить, но, Юлька, кажется, они бы на самом деле меня сожгли! А потом он нес меня на руках, и у него такие руки... И плечи...

– И борода... – подхватила Юлька томным голосом.

– Борода лопатой, – печально согласилась я. – Как бы узнать, не женат ли он?

– Кольца на пальце нет.

– Я тоже посмотрела. Но вдруг тут другие традиции?

– Вряд ли бы он согласился на свидание, если бы был женат.

– Вряд ли он понял, что это будет свидание, – мрачно вздохнула я.

– На месте объяснишь. – Юлька встала с кровати. – Я сгоняю в общежитие за платьем, да и остальное прихвачу, раз уж подалась в приживалки.

– Юля, я буду просто счастлива обзавестись такой приживалкой. Я готова тебе даже платить, чтобы ты жила со мной.

– Пять золотых? – спросила подруга.

– Только если ты сама будешь их выковыривать из-под Амфибрахия.

– Ладно, я готова осчастливить тебя своим присутствием совершенно бесплатно.

– Давай дуй за нарядами!

– Хочешь побыть с Яриком наедине?

– Хочу, чтобы ты поскорее вернулась и помогла мне с уборкой, – раскрыла я свои корыстные планы.

Юлька убежала в общагу, Ярополк тоже смотался по своим воеводским делам: махать мечом или спасти дев из беды, – сие мне неизвестно, а я переоделась в джинсовые шорты и черную майку с «Веселым Роджером» и принялась за уборку. Я вытаскивала вещи бабули из шкафа и засовывала прямым в пакеты для мусора. Судя по всему, Маргарита Павловна не была модницей: черные балахоны, потрепанные шляпки с вуалями, заштопанные чулки. Единственным ярким пятном в ее гардеробе было платье цвета морской волны. Пышные воланы

шли по юбке, заворачиваясь спиралью до талии. Я приложила платье к себе, а потом тоже сунула в пакет. Не хватало еще за бабушкой донашивать.

Я стащила пакеты по лестнице, подумав, повернула на задний двор. Вынесла мусор за забор, сложила в кучу на утопанной земле. Сходив на кухню за спичками, развела костер. Пламя жадно облизывало старую одежду, черный дым стелился вниз по холму. Я подождала, пока огонь начнет утихать, а потом пошла вниз по холму к поблескивающей глади пруда. Именно там, по словам Ярополка, похоронили мою бабушку-ведьму.

Я обошла весь пруд два раза, продираясь сквозь лиловые заросли дербенника. На голых коленках появились свежие царапины, правая щиколотка зудела от крапивы. Пожалуй, сарафан не такой уж плохой вариант, стоит прикупить парочку для прогулок на природе, ноги целее будут. Я села в тени огромного черного валуна, разглядывая мелкие волдыри от крапивы. Где они закопали бабку? Могилка должна быть свежей, но я не увидела ни голой земли, ни тем более креста. Вроде воевода говорил про иву – вот одна стоит, полощет ветви в воде, подернутой ряской. Я задумчиво просеяла желтый песок между пальцами. Ручейки сбежали вниз, улеглись ровной горкой. Я вскочила на ноги. Песок был рыхлым.

Я обернулась к валуну, черной глыбой возвышающемуся над прудом. В воде отражалась каменная верхушка, напоминающая остроконечную шляпу, которую мы с Юлькой, дурачась, примеряли вчера. Я обошла валун и наконец увидела то, что искала: на скошенной поверхности были выдолблены кривоватые буквы: «Маргарита, ведьма».

Мне будто перестало хватать воздуха. Как будто это мне на грудь положили каменную глыбу. Как будто это я сейчас лежу под землей, под стылым сырым песком, могильный холод лизнул мои ноги влажным языком. Я судорожно вздохнула, бросилась к пруду, плеснула в лицо водой, пропахшей тиной, еще и еще. Постепенно паника отступила. Из разгладившейся поверхности пруда на меня смотрело отражение – испуганные глаза, напряженные губы. Шлепнув по нему рукой, я выпрямилась, нахмурилась. Пусть у них так принято – заваливать ведьму камнями, но никто не помешает мне положить цветы на могилу бабушки.

Собирая полевые цветы, я неожиданно для себя увлеклась. Желтые звездочки молочая, пышные метелки дербенника, крупные ромашки – для завершения композиции мне не хватало особенного цветка. Недовольно окинув взглядом окрестности, я заметила в пруду бледно-желтую кувшинку. Скинув сланцы, шагнула в теплую воду. Дно под ногами было склизким, мягким. Ярко-зеленая лягушка внимательно следила за моими передвижениями с круглого как тарелка листа. Вода почти доставала краешка шорт, когда мне удалось, наконец, дотянуться до цветка. Длинный толстый стебель никак не обрывался, я дернула посильнее, лягушка вдруг истерически квакнула, плюхнулась в воду, я вздрогнула от неожиданности.

– Напугала, зараза. Вот принесу сюда Амфибрахия, он живо порядок наведет, – пробурчала я себе под нос, повернулась к кувшинке и нос к носу столкнулась с полуголым мужиком, заросшим тиной.

– Тебя не устраивают мои порядки, ведьма? – картаво произнес он, сверля меня бесцветными рыбьими глазами.

Я молчала, силясь выдать из себя что-нибудь умное. Передо мной явно стоял не человек. Водяной? Меня только что чуть не сожгли. Неужели мне удалось спастись только для того, чтобы утонуть чуть позже?

– Отличный пруд, – брякнула я наконец. – Красивые цветочки.

Водяной с сомнением покосился на веник разнокалиберных цветов, оставленный мной на берегу, потом оборвал кувшинку, протянул мне. Ногти у него были синие, загнутые, выше запястий тускло поблескивала зеленоватая чешуя.

– Меня Корнеем зовут, – представился он. Его картавости и шепелявому «з» позавидовал бы любой англичанин.

– Василиса, – сказала я, скромно опустив глазки, и тут же их подняла. На впалой груди моего нового знакомого чешуя была размером с пятикопеечную монету, она сбегала вниз по плоскому животу, прячась в мутной воде, и я засмушалась разглядывать водяного ниже пояса.

– Я знал прежнюю ведьму, Марго была той еще пиявкой, – задумчиво сказал он. – Цветы для нее?

Я лишь кивнула.

– Она любила красные розы, – осуждающе посмотрел на меня Кореней.

– Я что-то не заметила на ее могилке букетов.

Водяной растянул бледные губы, острые треугольные зубы в два ряда опасно сверкнули.

– Не думаешь же ты, что я стану носить букеты ведьме, которая прокляла мое озеро?

– Прокляла? – тупо повторила я.

– Источники умирают, осталось лишь два. Еще несколько лет, и пруд превратится в болото, а потом и вовсе пересохнет. А я умру вместе с ним. Если бы она прокляла меня самого, мне было бы легче, но я наблюдаю, как умирает все, что мне дорого, а это гораздо, гораздо хуже. Это подло!

Жабры на его шее затрепетали, вода вокруг торса забурилась.

– Может, я смогу помочь, – неуверенно пробормотала я. – Но, видите ли, я новенькая, еще не разобралась, что к чему...

Водяной стремительно приблизился, я почувствовала его дыхание на лице, смрад тины стал невыносимым.

– Если ты поможешь мне, Василиса, я так тебя вознагражу, как ты и мечтать не смеешь!

– Ну, так я пойду? Поищу заклинание, да и вообще, столько дел... – Я пятилась назад, как испуганный рак; почувствовав под ногами твердую землю, с облегчением вздохнула. Не глядя сунула ноги в сланцы. Сгребла цветы, воткнула в середину букета кувшинку. На гладкой поверхности черного валуна красные розы смотрелись бы куда лучше, но что уж есть.

– До встречи, Василиса! – Водяной поднял руку, между пальцами натянулись светлые перепонки.

– Пока-пока.

Я положила букет на могильный камень и побежала домой. У забора оглянулась – пруд виднелся вдали, солнечные зайчики плясали по воде. Кореней исчез, но запах тины будто въелся мне в кожу.

Я взбежала вверх по лестнице, на ходу сбрасывая одежду, забралась в душ, включила воду на полную мощность. Пар поднимался, заполняя душевую кабинку, как туман. Я выбрала цитрусовое мыло с ядреным ароматом, растерла кожу жесткой мочалкой.

– Если снимешь проклятие, – прошептал булькающий голос водяного совсем рядом, – я дам тебе живой воды.

Подпрыгнув от неожиданности, я с грохотом раздвинула створки душа, выскочила наружу.

– Ты хорошо выглядишь, ведьма, – добавил он. – Только я не понял, что за рисунок у тебя на копчике? Он не смывается?

Я протянула руку, выключила душ, и в ванне воцарилась тишина.

– Вот гадство! – выругалась я.

– И как тебе этот водяной? – Юлька откусила кусок пиццы, от которой в коробке остались лишь крошки, блаженно зажмурила глаза. Она будто бы совсем не удивилась моему рассказу.

– Мечта логопеда, – фыркнула я и на всякий случай плотнее закрутила кран над кухонной мойкой, ополоснув стакан от сока.

– Симпатичный?

– Дай подумать... От него несет болотом, зубы акулы в два ряда, чешуя, перепонки, жабры... Но харизма так и прет!

– Понятно, водяного отмечаем...

– Юля!

– Ну а что, ты себе воеводу отхватила, я тоже хочу какого-нибудь волшебного мужика.

– Никого я не отхватывала, он от меня шарахается, как кобыла от волка.

– Слушай, а у водяного хвост или как?

– То есть того, что я перечислила, тебе мало? Нужен еще и хвост? Я как-то не посмотрела, извини.

– Встретила водяного и даже не посмотрела, есть ли у него хвост? Ты прям на себя не похожа! – усмехнулась Юлька. – Точно влюбилась в Ярика.

– Не знаю. Не мой он типаж, – протянула я.

– Это да, – подозрительно легко согласилась Юлька. – Красивый, сильный, с работой...

– Что за работа – мечом махать?

– Воевода это, если по-нашему, кто – главнокомандующий? Вполне почетная должность.

– Сейчас у меня есть заботы поважнее: завтра прием у царя, присяга на верность, а меня, знаешь ли, даже в пионеры не принимали. Теперь еще водяной со своим проклятьем. А ведь он от меня не отстанет! Я теперь боюсь ванну принимать.

Юлька выставила указательный палец и пробасила:

– Должок!

– Он обещал мне живую воду.

– И что ты с ней будешь делать?

– Понятия не имею. Может, тыквы буду поливать, чтоб точно выросли, а то из меня агроном, как из тебя шпалоукладчица. Но для начала мне надо найти книгу-чудесницу. Пока тебя не было, я перебрала все барахло в шкафах бабули – книжки так и не нашла.

Я вздохнула и стала качаться на стуле по старой дурной привычке. Тут взгляд мой упал вниз, и я чуть не свалилась со стула. Я вытащила потрепанную книжку из-под ножки стола, тот слегка покосился, и пустая коробка от пиццы подъехала к краю.

– Она! – воскликнула я. На красной обложке черными, словно обугленными буквами было выведено: «Книжка-чудесница. Пособие для начинающей ведьмы».

Пока Юлька разбирала свои вещи и обустривалась в соседней комнате, я плюхнулась на живот на широкой кровати ведьмы и с замиранием сердца открыла книжку. Не знаю, чего я ожидала – каких-то спецэффектов, вроде вспышки пламени, магического света или хотя бы запаха серы, – но никак не банального содержания с указанием страниц.

– История ведьм, техника безопасности, основы зельеварения, – пробормотала я себе под нос. Я как будто вернулась в институт. Раскрыв книгу наугад посередине, наткнулась на рецепт.

«Порча бытовая. Ингредиенты: две горсти семян подсолнуха, клочок шерсти черного кота, три слезинки ребенка (лучше – девочки до шести лет). Семена истолочь в ступе вместе с шелухой и спалить с шерстью, добавить в пепел слезы, тщательно перемешать. На вкус горчит, добавлять к сладкому. Результат на следующий день: дела путаются, все валится из рук, уныние и пустая трата времени».

«Приворот. Ингредиенты: ложка дикого меда, капля крови привораживаемого и капля крови клиента, яйцо жаворонка. Яйцо взбить в пену, скорлупу выбросить, осторожно смешать с медом и кровью. Выдержать трое суток в темном холодном месте, добавлять в чай, кроме шиповникового. Результат через шесть суток: неумная тяга к заказчику, томление, плохой сон».

Пробежав глазами еще пару муторных рецептов с мышинными экскрементами и глазами змеи, я наткнулась на главу «Проклятия». Начиналась она не очень обнадеживающе для водяного:

«Сила проклятия зависит от потенциала ведьмы. У слабых и молодых заклинания, в том числе и проклятия, держатся пару месяцев. У опытных сильных ведьм проклятия могут переходить на весь род до седьмого колена».

Дальше вместо рецепта шла какая-то абракадабра, которую следовало произносить в спину проклиняемому, причем обязательно преисполнившись черной злобой.

А вот и про снятие проклятия! Я, воодушевившись, вперилась взглядом в мелкие строки: «Снятие проклятия относится к светлой магии. Осторожно! Возможны сильные головные боли, ожоги на руках, ломота в суставах, сыпь, обострение хронических болезней, нервный тик. Молодым ведьмам проводить этот ритуал крайне не рекомендуется».

И ни слова о том, как это самое проклятие разрушить!

Я захлопнула бесполезную книжку. Не диво, что Маргарита засунула ее под ножку стола. За триста лет бабуля небось запомнила, сколько семок и мышинных какашек брать для каждого пакостного зелья.

Я отбросила книжку в сторону, перевернулась на спину, изучая потолок, который, кстати, было бы очень неплохо побелить. В какой-то момент собственный дом стал моей идеей фикс. После аварии, которая унесла жизни родителей, я лишь однажды возвращалась в старую квартиру. Забрала фотографии, памятные вещи. Уже через месяц там жила другая семья – фирма, где работал папа, предоставила квартиру другому ценному работнику. А я жила в институтском общежитии, потом кочевала по съемным квартирам и теперь нашла место, где могу пустить корни.

Но, похоже, нет смысла приводить дом в порядок – я не смогу выполнить условия, составленные коварной бабкой. Кормить жабу и кота – это пожалуйста, а вот колдовать, портить людям жизнь – это не по мне, даже за тридцать золотых.

Я побоялась идти в душ, страшась снова услышать голос водяного, хватит того, что и на унитаз садилась с опаской. Прополоскав рот минералкой, заглянула к Юльке – та спала, отрубившись на диванчике. Осторожно стянув с подруги тапки, я погасила свет, вернулась в свою комнату и юркнула в постель. Утро вечера мудренее. Может, я смогу как-то извернуться и все же заполучить этот дом себе.

Тяжесть могильного камня давит на грудь, не дает дышать, от холода кожа вся в мурашки. Сырой запах земли проникает в ноздри, острые корешки пронзают кожу, впиваются глубже, прорастают сквозь мое тело... Я застонала и проснулась.

Кот сидел на мне и переступал передними лапками, выпуская острые коготки.

– А ну брысь! – рявкнула я.

Грех фыркнул и прыгнул на пол, оцарапав мне живот.

– Вот вредная скотина! – Я села, и серый трупик мышки скатился с меня на пол. – Спасибо, блин! – крикнула я вслед исчезнувшему коту. – Но больше так не делай!

– Чего не делать? – Юлька появилась в дверях с полотенцем на голове.

– Это я коту. – Я брезгливо взяла мышку за хвост через салфетку и выкинула в приоткрытое окошко.

– Грех признал тебя хозяйкой.

– Какое счастье, – буркнула я.

– Давай живее собирайся, Ярополк уже во дворе ждет.

Я мрачно протопала в душ, открыла вентиль на полную.

– Водяной, слышишь меня? – Я подождала с полминуты и уже собиралась залезть под водяную струю, когда услышала знакомое бульканье.

– Слышу. Но не вижу пока. – В его голосе сквозило явное сожаление.

– Если будешь за мной подсматривать, я не стану снимать проклятие. И я ведь узнаю, если ты соврешь, я – ведьма! – Блефовать так блефовать.

– Василиса, ты нашла способ расколдовать мой пруд?! – В душе ощутимо запахло тиной и едва заметной сладостью кувшинок.

– Возможно. – Я скрестила пальцы за спиной. – Все, кыш отсюда!

– Понял, ухожу, – согласился он и после паузы тихонько добавил: – Я и вчера все рассмотрел.

– Я вас всех ненавижу, – вздохнула я, стащила через голову сорочку и шагнула под душ.

Через полчаса я спустилась вниз при полном параде: длинное черное платье, серебристые босоножки и клатч такого же цвета, волосы еще влажные, но я легкомысленно решила, что по дороге они как раз высохнут. С макияжем мудрить не стала – тушь для ресниц и красная помада. Бабкин кулон лег в декольте идеально, устроившись в ложбинке меж грудей. Туда и уставился Ярополк, когда я подошла к нему. Воевода сегодня надел длинный синий кафтан, украшенный лентами, и его голубые глаза стали яркими, как васильки. В разрезах на рукавах виднелась белая рубаша, красные сапоги, расшитые золотом, посрамили бы любые лабутены, широкие плечи укрывал переливчатый серый плащ, закрепленный на ключицах искусной застежкой. Единственным диссонансом в роскошном облике были потертые ножны, которые цеплялись за черные бархатные штаны.

Я кашлянула, и Ярополк, встрепенувшись, посмотрел мне в глаза.

– Я уже видел такое украшение, – задумчиво сказал он.

– У бабки? – спросила я. – Так это ее и есть.

– Нет, не у ведьмы, – покачал головой Ярополк. – У царицы не так давно появился похожий кулон.

Он пошел вперед, открыл дверь, пропуская нас с Юлькой. Подруга в длинном голубом платье и с русой косой, уложенной вокруг головы, смотрелась рядом с воеводой очень гармонично, и я на миг ощутила укол ревности.

У забора нас ждала карета, на дверцах сверкали орлы, кучер в расшитой золотом ливрее распахнул их перед нами. Мы с Юлькой загрузились внутрь, а воевода вскочил на гнедого коня и поехал вперед.

Юлька вынула из сумочки фотик, я кокетливо улыбнулась, соблазнительно изогнувшись на бархатной подушечке, но тут карета тронулась, и я чуть не свалилась с сиденья. Через несколько минут тряски по ухабам мы с Юлькой, совершенно очумевшие, выпрыгнули на траву. Кучер, натянув удила, недоуменно на нас обернулся.

– Яр! Мы так живыми не доедем, – простонала я. Юлька глубоко дышала, борясь с тошнотой. – Что у вас за дороги? Что за карета? Где амортизаторы?

– Обычные дороги, а карета – самая лучшая, – пожал плечами воевода. – Вы, надеюсь, не завтракали? А то у дам бывают конфузы.

Бутерброд с колбаской, который мне заботливо соорудила Юлька перед выходом, встал поперек горла вместе с утренним кофе.

– И долго еще до дворца? – спросила я.

– До обеда доберемся, ежели поспешать.

– Слушай, Вась, может, ну ее, эту присягу? – простонала подруга, промокая платочком взопревший лоб.

– Без присяги жизнь Василисы под угрозой, – помрачнел Ярополк. – Неблагонадежные ведьмы никому в царстве не нужны. Да и мне было бы спокойнее на душе, если бы ведьма поклялась в лояльности царю.

– А если Вася расписку напишет, что никому вредить не собирается? – предложила Юлька.

Воевода только покачал головой. Русые волосы рассыпались по высокому воротнику.

– Ладно, у меня есть идея получше. – Я вынула из серебристого клатча красную книжицу. – Тут есть инструкция по применению ступы.

– Может, я по старинке, на коне? – с сомнением предложил воевода.

Он вытащил ступу во двор, ощупал темный, потрескавшийся от времени бок.

– Боишься? – коварно улыбнулась я, потом уселась на край ступы и перекинула ноги внутрь, на миг ослепив Ярополка разрезом платья. Юлька потопталась у ступы, просительно посмотрела на воеводу, и тот с готовностью подсадил подругу, обхватив талию ладонями. Вот почему я так не умею?

– Не боюсь, – вздохнул Яр. – Скорее, опасаясь. Она точно троих выдержит?

– Написано – грузоподъемность двенадцать пудов. Пуд – это шестнадцать килограммов.

Мы с Юлькой по пятьдесят...

– Шестьдесят, – прошептала мне на ухо подруга.

– Ты... ну, девяносто точно есть, – оценила я мощные плечи воеводы.

– Шесть пудов с лишком, – отозвался Ярополк.

– Потянет!

Он легко перебрался через высокий край ступы, стал позади нас с Юлькой, упершись руками по обе стороны.

– Давай, ведьма, колдуй.

– Я не ведьма, – отмахнулась я, пытаюсь сосредоточиться на заковыристом заклинании. Не так-то это просто, когда сзади прижимается горячий мужчина. – Аер взняти аер долу! Борзо буди взняти!

Юлька только открыла рот, наверняка чтобы подколоть мое старославянское произношение, как ступа задрожала, а потом взмыла вверх так быстро, что мои каблук вжались в дощатое дно. Я вцепилась в руку Ярополка, показавшуюся мне надежнее ступы. Юлька визжала на ультразвуке, и казалось, мое правое ухо сейчас взорвется.

– Управляй, Василиса! – крикнул воевода во второе ухо, которое пока еще не оглохло. – Скорость сбавь!

– Косно! – вспомнила я инструкцию. Ступа замерла в облаке, окутавшем нас холодной моросью, а потом стала снижаться. – Одесно!

Мимо, истошно крикая, пронеслась утиная стая. Какая-то неуклюжая птица с гулким стуком вписалась в ступу. Воевода витиевато выругался и, высвободив рукав из моих цепких пальцев, выдернул из бороды застрявшие перья.

Мы вырулили из облака, я увидела внизу синюю лужицу пруда, деревенские домишки рассыпались крошками у изножья холма. Крыша моего дома, укрытая черепицей, выглядела спекшейся каплей крови.

– Куда нам? – Я повернулась к Ярополку, и его губы случайно скользнули по моей щеке, борода уколола шею.

Он молча ткнул пальцем в горизонт, где призрачной тенью вырастал город, оплетенный зубчатыми стенами словно шарфом.

Приземлились мы удачно – плюхнулись прямо посреди базарной площади, распугав весь честной народ. К счастью, визг Юльки было слышно издалека, так что обошлось без жертв. Я не переставая твердила «косно», что должно было означать «медленно», но зубы все равно клацнули, когда ступа брякнулась о брусчатку. Воевода выпрыгнул из ступы, трижды размашисто перекрестился на сверкающие купола собора.

– Думал – все, смерть моя пришла, – скупно признался он.

– Не ты один так думал. – Юлька протянула руки, и воевода с готовностью подставил широкие плечи, помогая ей вылезти из ступы. – Вася, если бы ты нас угробила, я бы тебя прибила!

– Немного нелогично, – заметила я, самостоятельно выбираясь наружу.

– Ступу куда девать? – спросил Ярополк. – Не переть же ее с собой.

– Эй, народ! – зычно крикнула я. – Кто тронет ступу – прокляну!

Люди, с интересом пялящиеся на нашу троицу, бросились врассыпную, где-то навзрыд заплакал ребенок.

– Я же в шутку, – пробормотала я, не ожидая такой бурной реакции. Юлька взглянула на меня, и глаза ее расширились. Она молча протянула мне зеркальце, а потом согнулась от беззвучного хохота.

Я мрачно посмотрела на свое отражение – не так все и страшно! Да, тушь размазалась до подбородка, волосы дыбом, все в перьях и пухе, ну так попробуйте пролететь через облако и утиную стаю – я на вас посмотрю!

Оттерев тушь влажной салфеткой и по возможности пригладив волосы, я пошла следом за Ярополком, который сохранял суровый и невозмутимый вид, а может, просто делал вид, что мы незнакомы. Юлька с любопытством озиралась по сторонам, то и дело щелкая мыльницей и по ходу вытаскивая из моих кудрей перья. Ее же коса лишь немного растрепалась, на висках и над шеей завивались тонкие прядки. Завлекушечки – так называла их моя мама.

Столица напоминала скорее большую деревню: почти все дома деревянные, максимум в два этажа, выкрашенные вразнобой, так что улица выглядела пестрой, как лоскутное одеяло. Каменные дома с высокими крылечками смотрелись солиднее, но с многих балкончиков прямо на головы прохожих свешивалось влажное белье.

На нас с Юлькой озирались, тыкали пальцами, если б не воевода, то быть нам битыми, как пить дать.

– Надо было скромнее одеваться, – прошипела подруга, ковыляя на каблуках по брусчатке.

Мужики тут были сплошь бородаты, в полотняных рубахах и штанах, кто попроще – носил рубаху навывпуск, кто побогаче – подпоясывался кушаком. Девушки делили волосы надвое, перекидывали косы, украшенные лентами, через плечи, женщины постарше и, по видимому, замужние – закручивали косу вокруг головы, совсем как Юлька. Сарафаны и платья почти достигали земли, выставляя напоказ лишь кончики туфель, расшитых бусинами, либо простых лаптей.

Воевода вывел нас к высоким воротам в длинной белокаменной стене, которая, как я успела заметить с воздуха, описывала маленький круг внутри города. Стражники посторонились, отвесив поклон Ярополку, и я с интересом посмотрела в спину воеводы. Выходит, Юлька права, его должность имеет вес. Подруга кокетливо подмигнула правому стражнику, высокому юнцу с неопрятным пушком вместо бороды, а потом наклонилась ко мне и громко прошептала:

– Надо тут барбершоп открыть, будем устанавливать тренды.

Я взяла ее под руку, вынула из косы одинокое белое перышко – не иначе как с меня упало.

– Хотела вчера с тобой поговорить, да ты уже дрыхла.

– Здоровый сон – залог здоровья.

– В общем, я очень сомневаюсь, что требования бабуся выполнимы. Изучила я книжку-чудесницу...

– В смысле мельком пролистала?

– Типа того. Так вот ведьмы – воплощение зла.

– Да ладно!

– Проклятия, порчи, сглазы – сплошные гадости и пакости. А рецепты! Зубы летучей мыши, хвост помойной крысы...

– Так Грех с утра тебе ингредиентов принес, а ты и не поняла.

– По условиям, составленным бабулей, я должна колдовать. Но я не хочу!

– Бывает и светлая магия, – повернулся к нам Ярополк.

– Подслушивать нехорошо, – буркнула я. Наконец-то он решил о нас вспомнить. – И в моем пособии для начинающей ведьмы нет ничего светлого.

Воевода внезапно остановился, и я налетела прямо на него.

– Василиса, – негромко произнес он, глядя мне в глаза. – Я бы хотел показать тебе кое-что.

– Показывай, – разрешила я. Юлька с интересом прислушивалась к нашему разговору.

– Не здесь. – Взгляд воеводы замер, остановившись на моих губах. Я с облегчением вспомнила, что хоть с помадой у меня все в порядке – стойкой накрасилась.

– Где же? – Мой голос отчего-то стал чуть хриплым.

– В моих покоях.

Мы стояли у ступеней, ведущих во дворец. Белые стены, украшенные завитушками лепнины, возносились чуть не до облаков, колонны в три обхвата подпирали арочные своды, наверху выростали разномастные башенки. Самая высокая еще строилась. Я видела деревянные леса, крохотные фигурки рабочих. Хорошо, что воевода сказал приземляться на площади, иначе наверняка вписалась бы в одно из сверкающих на солнце стрельчатых окон.

– У нас полно времени, благодаря твоей ступе, – добавил он, взяв меня за руку. – Приемное время у царя не раньше обеда.

– Я вас здесь подожду. – Юлька шагнула к изящным скамеечкам, расставленным вокруг фонтана, в центре которого три головы Змея Горыныча извергали не огонь, а прозрачные струи воды.

– Нет, конечно, – возмутился Ярополк. – Негоже девушке одной идти в мужские покои. Мало ли, что могут подумать!

Я вздохнула и пошла за воеводой, понимая, что после этой фразы вряд ли он покажет мне что-то действительно интересное.

Воевода жил в казарме – не знаю, как по-другому назвать этот барак. На первом этаже длинного деревянного здания носились мальчишки и парни всех возрастов, одетые в одинаковые серые рубахи и просторные штаны. Волосы у всех коротко острижены, костяшки пальцев сбиты.

– Местные шаолини? – прошептала Юлька.

Ярополк свернул во внутренний дворик. Мы вышли следом на площадку, утопанную босыми ногами пацанов до твердости камня. К воеводе подскочил белобрысый исполин, протянул длинный сверток. Ярополк развернул рогожу, и по казарме пронесся шепот. Яр расстегнул пряжку плаща, скинул его на руки подоспевшему мальчишке, снял кафтан.

– Как думаешь, он совсем разденется? – спросила я у подруги, не сводя глаз с торса воеводы, обтянутого тонкой белой рубашкой.

– Надеюсь. Теперь я по крайней мере понимаю, почему ты на него запала.

– Я не... – Ярополк стащил и рубашку. – Ладно, запала, – признала я.

Воевода взял в обе руки по мечу, взмахнул. Мечи свистели и пели в его руках, рассекая воздух. Солнце отражалось в клинках, ослепляя и без того восторженных зрителей. Яр остановился возле белобрысого верзилы, мечи замерли в сантиметре от обгоревшего носа.

– Неплохие мечи, – сказал воевода. – Закажи штук двадцать в этой кузнице. Если портачить не станут, еще возьмем.

Блондин кивнул, забрал мечи, воевода подошел к нам.

– Отличное представление, – съязвила я.

– Я не паяц, – ответил Ярополк, натягивая рубашку. На гладкой груди выступили бисеринки пота. – Я отвечаю за оружие, за безопасность царства и людей, которые в нем проживают. Эти мечи простые, легкие, с хорошим балансом, для парней подойдут, чтобы учиться. Как думаешь, почему я с тобой валандаюсь, Василиса?

Я только хмыкнула в ответ. Хотелось бы верить, что из-за моей необыкновенной красоты и блестящего ума, но, похоже, дело не в этом.

– Потому что ты – тоже оружие. Но, к сожалению, абсолютно непредсказуемое. Если бы я мог обращаться с тобой с такой же легкостью, как с мечом...

– Ну прости, ко мне инструкция не прилагалась.

– Очень жаль. Я бы ее изучил досконально.

Он развернулся и пошел дальше, мы с Юлькой поплелись следом.

– Ты у нас прям ядерная ракета, – хихикнула подруга. – Где у тебя кнопка?

– У меня зона поражения скромнее.

– Пуля?

– От пули слышу!

Ярополк провел нас на второй этаж по узкой деревянной лестнице. Я ловила на себе любопытные взгляды, но стоило воеводе повернуться, как все тут же бросались по своим делам.

Комнаты воеводы размещались в начале длинного коридора, у самой лестницы.

– Тут шумно, – заметил Ярополк. – Зато по тревоге быстрее добираться. Царь все хотел, чтобы я во дворец переехал, но мне тут привычнее. Да и за учениками пригляд. При мне они опасаются проказничать. Все равно, конечно, шкодят, но не с таким размахом.

– Чистенько, – сказала Юлька, входя в приоткрытые двери.

«Бедненько», – подумала я, но промолчала. Узкая кровать, сундук у изголовья, возле окошка стол, накрытый скатертью, и стул, на который я и села. Юлька устроилась на кровати, скинув туфли, и, судя по ошарашенному взгляду воеводы, это подрывало все моральные устои местного общества. Яр сходил в смежную комнату, вернулся, сжимая в руках глиняную вазу.

– Это древний артефакт. – Он бережно поставил ее на стол передо мной. – Достался от бабушки.

На кривоватых коричневых боках морщинками разбегались мелкие трещинки. Я заглянула в широкое горлышко – пусто.

– Видишь, это древние руны. – Яр благоговейно провел пальцем по узору из непонятных значков. – Их значение уже утеряно, но магия все еще жива.

Он встал сзади, оперся на стол по обе стороны от меня, так что я внезапно оказалась в кольце сильных рук.

– Если ты не хочешь колдовать, Василиса, попробуй сотворить светлое волшебство.

– Что мне делать? – спросила я, хотя могла и дальше просто таять в объятиях Ярополка.

– Бабушка говорила, надо налить студеной воды, а потом подумать о чем-то или ком-то хорошем, постараться вызвать в душе светлые чувства.

Он поставил рядом с вазой глиняную кружку, полную воды. Я взяла ее за запотевший бок, на полотняной скатерти остался темный влажный кружок. Аккуратно вылив воду в древний артефакт, заглянула внутрь, но увидела там только собственные глаза. О чем же подумать? Когда в шею дышит Ярополк, мысли только об одном, не уверена, что они очень уж светлые. Я поймала ироничный взгляд Юльки, подруга многозначительно пошевелила бровями, вытянула губки, будто для поцелуя, и я усмехнулась в ответ. Вот кто-кто, а Юлька всегда вызывает во мне добрые чувства, даже тогда, когда издевается надо мной. Я у нее сейчас явно как на ладони. И симпатию мою к Ярополку она распознала едва не раньше меня, и вон пыталась оставить нас наедине, стоило ему только намекнуть на покой... Люблю ее, засранку.

Вода в вазе вдруг вспыхнула, засияла золотом.

– Получается! – воскликнул Ярополк.

– И что дальше? – Я не на шутку разволновалась. Не каждый день творю волшебство.

– Что бы ты хотела сделать хорошего?

Я вспомнила о просьбе водяного. В книжке-чудеснице снятие проклятий явно относилось к светлой магии.

– Как снять проклятие с пруда? – спросила я и заглянула в горшок.

Вода на доньшке на мгновение погасла, а потом вспыхнула, и я увидела ясную картинку: три свечки, церковь, потом дом, полный ребятишек, и огонь в очаге, куда женщина с ямочками на круглых щеках ставит котелок. Еще вспышка – пруд, залитый солнечным светом, свеча посреди листа кувшинки, пламя дрожит на ветру, но не гаснет. Вторая свеча в перепончатых руках водяного. А затем я увидела саму себя. Надо же, в отражении я совсем другая: волосы собраны в две косы, длинное белое платье стелется по траве, я несу горящую свечу вокруг пруда, и в глазах отражается ее пламя.

– Кажется, теперь я знаю, как помочь водяному.

– Спроси еще, что можно сделать с живой водой, – посоветовала Юля.

– Живая вода? – встрепенулся Ярополк. – Это же очень мощное средство! Помогает от всех болезней!

– А оживить мертвых может? – прошептала я. Сердце заколотилось быстрее. Если бы только я могла вернуть папу с мамой! Если есть хоть маленькая, крохотная возможность... Я склонилась над вазой. Алая вспышка едва не выжгла мне глаза. Я вскрикнула, отшатнулась, упала на Яра, который сгреб меня в охапку, закрыл плечами. Раздался оглушительный взрыв, как будто гром прогремел в маленькой комнатке воеводы. Я вывернулась из-под руки Ярополка, вскочила на ноги... Юлька, зажмурив глаза, сидела на кровати застывшим столбом. Вокруг нее кружились хлопья копоти, ошметки обугленной скатерти. У ног валялись глиняные черепки – все, что осталось от древнего артефакта. Юля открыла глаза, ярко-голубые на фоне чумазого лица, ошалело посмотрела на меня.

– Ты в порядке? – тихонько спросила я.

– Ага, – кивнула она. – Ну, ты мощная колдунья...

Послышался топот, двери распахнулись, штук пять мальчишек застыли на пороге, а потом с воплями бросились врассыпную.

– Чего это они? – не поняла Юлька. А я, нервно хихикая, вытащила из клатча зеркальце и протянула ей. Хорошенько рассмотрев свою физиономию, покрытую сажей, подруга вздохнула и вытащила початую пачку влажных салфеток. – С кем поведешься, от того и наберешься.

Вспомнив о Ярополке, я повернулась. Воевода перебирал осколки вазы, пытаюсь собрать вязь древних рун.

– Ярополк, я же не нарочно, – покаялась я.

– Василиса, ты должна была сотворить доброе волшебство. – В его голосе прорывалось явное раздражение. – Какого лешего ты подумала о некромантии?

– Просто...

Ярополк дернул плечом, устало прикрыл глаза.

– Чего еще ждать от ведьмы, – сухо сказал он.

Я вспыхнула и отвернулась.

От внутреннего убранства царского дворца у меня зарябило в глазах: все расписано узорами, на высоком сводчатом потолке целая картина: юноша и девушка бегут навстречу друг другу через пышные цветущие кусты, протягивая одинаково тонкие руки. То тут, то там кучковались придворные: дамы, разодетые в пышные платья, и мужчины в богатых кафтанах. На нас поглядывали, но знакомиться не спешили – небось воевода всех отпугивал суровым выражением лица.

Я уселась на золотую лавку, больше похожую на музейный экспонат, чем на мебель. Юлька цокала каблукками по паркету, уложенному звездами, носилась по залу, щелкала фотиком, как заведенная.

– Вася, тут совершенно иная техника в искусстве! – воскликнула она, трясая меня за руку. – Это потрясающе!

Я равнодушно пожала плечами. После того как я расфигачила волшебный горшок Ярополка, он демонстративно не обращал на меня внимания, и мое настроение упало до нуля. Сам виноват – надо было объяснить как следует! А теперь надулся в бороду, молчит, гадости про меня думает, завернулся в свой плащ, как в саван. . .

– Что ты молчишь? – не выдержала я. – Прости, я случайно, честное слово! Мне очень жаль, что я разбила горшок твоей бабушки.

– Это был волшебный сосуд.

– Пусть так. Я возьму тебе. У меня есть златоносная жаба.

– Не надо, Василиса. Я сам виноват.

– Чего ж ты такой мрачный?

– Что-то не так, – сказал воевода. – Мы с Иваном, с царем, с детства дружны. Моя мать была его кормилицей. Он никогда не заставлял меня ждать у дверей. Сейчас время обеда. Если я приходил во дворец, то сидел по правую руку.

– А, так ты просто голодный? – успокоилась я. Ох уж эти мужчины! – А как вообще проходит прием у царя?

– Танцы будут? – встряла Юлька.

– Какие танцы? – возмутилась я. – Можно подумать, ты знаешь, что они тут танцуют!

– Скорее всего, водят хоровод, – невозмутимо ответила Юлька и щелкнула фотоаппаратом, направив объектив на воеводу. – А в хороводах я с детского сада ас.

– Обычно царь принимает посетителей часа два, – сказал Ярополк. – Если вопросы не государственной важности, то прямо во время трапезы. Потом могут и танцы быть, если государь в хорошем настроении, а Иван всегда полон сил и весел. . .

– Царь сегодня не принимает! – Слуга в полосатой ливрее неожиданно появился из дверей и, ошарашив этим известием народ, собирался улизнуть в уже закрывающиеся створки, но воевода сунул ногу в щель.

– Неотложное дело! – Он отодвинул слугу в сторону плечом, и мы протиснулись следом.

Мы вошли в просторный зал, на потолке которого юноша и девушка из прошлой картины уже жарко целовались. Я покрутила головой в поисках двери в третий зал, на потолке которого по идее должны показывать продолжение сериала, и заметила у стрельчатого окна длинный стол, покрытый белоснежной скатертью. За ним, сидя на разных концах, трапезничали двое. Царь показался мне каким-то . . . никаким. Вроде и статью вышел, и на лицо ничего, ну бородат, так я уже почти привыкла к местной моде на кустистые физиономии, а взгляд скользит мимо него.

А вот когда царица поднялась из-за стола и направилась к нам, меня будто ударили наотмашь. Ее красота ошеломляла. Осанка, легкая полуулыбка, золотой обруч, усыпанный жемчугом, блекнет от блеска ее волос, платье, украшенное затейливой вышивкой, обнажает молочные плечи. . . Я моргнула, тряхнула головой, посмотрела на Юльку – та только что слюни на царицу не пускала, глянула на Ярополка – стоит, хмурится, а на царицу и не смотрит, ждет, когда царь наконец доест пирожное.

– Воевода, – голос у царицы оказался низкий и хриплый, – отчего ты явился так неожиданно? Али какие плохие вести принес?

– Вести не плохие, но и не добрые, как посмотреть, – ответил Ярополк. Вот как, значит. . . Ладно, я ему эту недобрую весть еще припомню. – Привел пред царские очи новую ведьму.

Царица стремительно ко мне повернулась, юбки закружились вокруг стройных ножек. Стоп, откуда мне знать, что они стройные? Поди разбери под всеми этими оборками! Может, у нее кривые волосатые лапы или, вообще, как у Парнаски – копыта!

Она подошла ко мне, пробежалась глазами сверху донизу, зацепилась за ведьмин кулон, рефлекторно прижала руку к груди. Ярополк был прав, ее украшение до боли напоминало мое –

та же вытянутая овальная форма, необычная мелкая огранка. Только ее камень был алым и переливался на свету, пульсируя, как живое сердце.

Я не знала, что мне делать – присесть в реверансе, отвесить поклон? Но на выручку пришла подруга.

– Боже мой, вы так прекрасны, – прошептала она со слезами на глазах. – Вы позволите нарисовать ваш портрет?

Она схватила царицу за руку и, кажется, попыталась ее поцеловать. Ярополк вмешался, оттеснил Юльку за спину, откуда она выглядывала, не сводя с царицы щенячьих глаз. Чего ее так плющит?

– Василиса, – представилась я. – А это моя подруга Юлия. Простите, ваше величество, что не знаю ваших обычаев, я из другого мира...

– И что же это за мир? – резко спросила царица.

– Там нет магии, но куда больше развита техника, – ответила я. Вспомнив слова нотариуса, добавила: – Географически наши миры одинаковы. Политическое устройство...

– Техномир, понятно, – равнодушно прервала меня царица. – Вы явились присягнуть на верность?

– Да, – ответил за меня Ярополк, все так же глядя на царя. – Василиса – новая ведьма, появилась после смерти Маргариты. Иван, что с тобой, ты болен?

– Василиса, – перебила его царица, ее голос еще понизился, хриповатые нотки пробирала до дрожи, как звук пенопласта по стеклу. – Василиса, откуда у тебя кулон?

– Наследство Маргариты.

Царица вперилась взглядом в мое украшение, камень слегка нагрелся, потяжелел, цепочка впиалась в кожу. Мне нестерпимо захотелось сорвать его с шеи.

– Отдай его мне.

– Нет.

– Отказываешь царице? А ведь пришла клясться в верности. Ты будешь служить мне верой и правдой?

– Вообще-то я не уверена, что хочу быть ведьмой. И тем более кому-то служить.

– Следи за языком, ведьма, не то быстренько его лишишься! – каркнула царица. Я отступила назад, наткнулась спиной на воеводу и сразу почувствовала себя увереннее.

– Клятва приносится царю, – с нажимом произнес Ярополк и шагнул к столику, за которым безучастно жевал царь, склонив голову. На его темных волосах, тусклых, будто припорошенных пылью, виднелся примятый след от короны. – Иван, что случилось? Почему ты молчишь?

Царь медленно повернул голову к воеводе, посмотрел спокойно и бесстрастно, указал на рот, демонстративно пожевал. Мол, когда я ем, я глух и нем.

– Я клянусь, что не собираюсь никому вредить, я всего лишь хочу спокойно жить в своем доме, – произнесла я.

– Пусть так. – Царица заслонила мужа пышными юбками, потеснила нас назад, выпроваживая из зала, слишком большого для двоих. – Можете быть свободны.

– И это все? – удивилась я.

Ярополк вытряхнул из рукава свиток, подал мне.

– «Я, Василиса, ведьма из дома на холме, клянусь в верности царю Ивану Двадцать Пятому и обещаю не мыслить и не действовать против суверенности царства, а в случае войны не становиться на сторону врага и помогать по мере сил или хотя бы держать нейтралитет», – прочитала я. – Ну, это выполнимо. С этим я согласна. Честное слово.

Ярополк повернулся к столику, за которым царь степенно допивал компот, поглядывая в окошко, но царица снова опередила воеводу. Она скользнула к царю, стянула с вялого мизинца перстенок и, всучив его мне, цепкохватила воеводу под локоть. Я примерила неожиданный

подарок, перстень ладно уселся на средний палец. Ярко-зеленый камушек в золотой оправе радостно переливался в солнечных лучах. Грубоватая работа, но смотрится экзотично.

– Царь недоволен тобой, Ярополк, – прошептала тем временем царица, ведя воеводу к двери. – На границах беспокойно, в лесах видели сумертов, новая ведьма сейчас тоже некстати. Ты плохо справляешься со своими обязанностями, воевода.

Белая ручка пробежалась по плечу Ярополка, кулон жарко вспыхнул на нежной груди.

– Делаю, что могу, – сурово ответил воевода. – Коли недоволен мной царь, то пусть сам и скажет.

– Царю недосуг со всеми объясняться, – отвернулась царица. – Проводите.

Слуга распахнул перед нами двери, с грохотом захлопнул, едва не прищемив мне подол платья. Послышался скрежет засова. Ну что ж, я отделалась малой кровью. Теперь я вроде как у царя на службе, и всякие Парнаски могут утереться. Я прошла вперед пару шагов и поняла, что мои спутники не собираются меня догонять.

Ярополк уставился на закрытую дверь, нахмутив брови так, что они слились в одну густую полосу. А Юлька выглядела как ребенок, у которого отобрали конфетку. Причем не абы какую, а любимую, развернутую и уже отправленную в рот.

– Юль, ты в себе? – поинтересовалась я. – Что за цирк ты устроила? Тоже хотела послушать верой и правдой?

– Вась, она такая, такая...

– Какая? Ты же вроде в противоестественных связях не замечена. Уж я-то как лучшая подруга должна бы знать!

– Она само совершенство... Как ее зовут? – встрепелась Юля.

– Амаранта, – ответил Ярополк.

– Ах, Амаранта, – выдохнула она.

Я внимательно посмотрела на подругу – щеки бледные, зрачки расширены. Я хорошенько тряхнула ее за плечи:

– Приди в себя!

Подруга сфокусировала на мне взгляд, поморгала.

– Нет, царица и вправду хороша, весь Голливуд бы посрамила, – согласилась я. – Но это не повод расстилаться перед ней ковриком.

– Просто я, как человек искусства, более восприимчива к красоте, – выдала Юлька. Выглядела она растерянной и несчастной, и я решила оставить ее в покое. Потом поизгаляюсь.

Мы вышли из дворца, спустились по белой лестнице. Я, честно говоря, была несколько разочарована приемом. Не то чтобы я ожидала бала в свою честь или так уж мечтала хоровод поводить, но могли бы хоть покормить. Память услужливо подкинула столик, за которым трапезничал царь: тоненькая мясная нарезка, ваза с грушами, нежная кожаца, кажется, просвечивает на солнце, ломтики сыра с аккуратными круглыми дырочками... Пирожного не хотелось. Уж больно привередливо ковырялся в нем царь.

– Голодные? – спросил Ярополк.

– Угу, – синхронно промычали мы с Юлькой.

Он вывел нас снова к казармам, повернул в боковой вход, откуда тянуло ароматами жареного мяса и лука. Когда мы вошли, все парни вскочили с деревянных лавок, уставились на нас, как на явление Христа народу. Воевода жестом приказал всем садиться, устроил нас с Юлькой на лавке за столом у окна. Еще один взмах руки – и вот уже перед нами три тарелки с перловой кашей и мясом в грибной подливке.

– Угощайтесь, ежели не побрезгуете. – Воевода загреб деревянной ложкой кашу, отправил ее в рот. На стол с глухим стуком опустился кувшин и три глиняных кружки. Взгляд, кото-

рым окинула воеводу местная официантка, был таким горячим, что у меня во рту пересохло. Я налила себе в кружку тягучий напиток, отхлебнула – клюквенный кисель.

Ярополк испытующе посмотрел на нас с Юлькой, но мы уже резво жевали кашу. Пять лет студенческой жизни выбили из наших девичьих организмов всякую привередливость.

– Отличная каша, – похвалила я. – Мне вот перловка никогда не удавалась. Папа всегда говорил – только рыбе на прикорм.

– Где твои родители? – спросил воевода.

– Они погибли. – Прошли годы, а произносить это не стало легче.

Он замолчал, посмотрел на меня внимательно. Видать, понял, кого я хотела оживить с помощью его вазы.

– Расскажи о себе, воевода, – перевела стрелки Юлька. – Ты женат?

Я толкнула ее под столом коленкой. Само воплощение хитрости и дипломатии!

– Нет, – ответил Ярополк.

– Сколько тебе лет? – Юлька, похоже, решила составить на него полное досье.

– Двадцать семь.

– Давно служишь воеводой?

Ярополк усмехнулся в усы:

– Как Иван сел на престол, так меня воеводой и назначил. Уж пять лет прошло.

– И отчего же какая-нибудь девица тебя к рукам не прибрала?

– А ты для себя интересуешься? – уточнил Ярополк.

Юльку сложно было смутить.

– Мы с Василисой обе девушки свободные, – ответила она.

– Ну, с Василисой-то все понятно, – припечатал меня воевода. – Где ж это видано – замужняя ведьма.

– Я не ведьма, – буркнула я.

– Но взрыв получился знатный, – заметила Юля. – Кстати, ты так и не рассказала, что увидела в горшке.

– Это был волшебный сосуд, – не сдавался воевода.

– Теперь я могу снять проклятие с пруда водяного.

– А если ты за это возьмешь с него тридцать золотых? – предложила Юлька. – Тогда ты выполнишь условие договора – заработаешь колдовством.

– Он мне уже живую воду обещал. Может, лучше ее взять, выгоднее?

– Живая вода – бесценна, – заметил воевода.

– Может, тебе попробовать стать феей, – выдвинула предложение подруга. – И зарабатывать светлой магией.

– Горшок я уже расфеечила, где мне рецепты брать? – привела я несокрушимый аргумент.

– Во дворце большая библиотека, полки до потолка, без лестницы и не влезешь, – задумался Ярополк. – Меня-то книги по магии никогда не интересовали, больше карты да мемуары полководцев. А еще у Ивана есть несколько книг, которые он держит под замком, я листал их как-то – ничего не понял.

– Ты дружен с царем, – заметила Юлька.

– Я так думал до сегодняшнего дня. Рода я незнатного, но рос во дворце. Я уже говорил, матушка моя была кормилицей царя.

– Дворец меня впечатлил. Только башенки странные – все разные, одна выше другой, – заметила я.

– Каждая новая жена Ивана отказывалась жить в тереме предыдущей и возводила себе свою башню – выше и лучше.

– Постой, то есть Амаранта – это не единственная жена царя? – удивилась Юлька.

– Единственная, но не первая. Иван – трижды вдовец.
– Ого, – задумалась я. – А что за напасть косит цариц?
– Все скончались по разным причинам: лихорадка, отравление, падение с большой высоты – с только-только достроенной башни.
– Если б я была царица, – задумалась Юлька, – то не выпендривалась бы и жила на первом этаже.

– Ты обещала со мной жить, в ведьмином доме!
– Василиса, – льдистые глаза воеводы немного оттаяли, – расскажи-ка подробнее, как ты влипла в эту историю.

Я выложила все как на духу: и про нотариуса, и про вредную хозяйку съемной квартиры, и про внезапное наследство. Под конец брякнула на стол ключи.

– И если я не выполню весь список условий, то наследство перейдет какой-то другой ведьме, – закончила я.

Ярополк покрутил в руках связку и спросил:

– А что открывает этот ключ?

Длинный ключ с зазубренным штоком и ржавой головкой не умещался даже на широкой ладони воеводы.

– Не знаю, – покаянно ответила я. – Я о нем и думать забыла. Может, в доме бабки есть еще какие-то двери, но я пока не навела там порядок – столько мусора и баракла...

– Возьми домового, – предложил Ярополк. – Он за день тебе все приберет так, что блеснуть будет. Возьмет, правда, дорого, но у тебя ведь есть жаба.

– И где мне его взять?

– Я скажу кое-кому, чтобы прислали тебе домового на денек. – Воевода привстал с лавки. – Ну что, полетели? У нас еще одно дело в деревне есть.

Мы вернулись к ступе, она так и стояла посреди площади. Ребятишки прыснули в разные стороны, и я увидела, что теперь мое транспортное средство изрисовано цветочками и котятами – даже миленько. Солнце зажгло купола собора золотом, и я воскликнула:

– Мне же свечи нужны, для заклинания!

В соборе было малоллюдно, время вечерней службы еще не подошло. Отирающиеся там бабки надули щеки, набрав воздуха, чтобы заклеить нас с Юлькой, простоволосых и декольтированных, позором, но стоило воеводе на них глянуть, как они сдулись, точно воздушные шарики.

Юлька сразу прилипла к фрескам, а воевода взял для меня свечи.

– Первый раз вижу, чтобы ведьма так спокойно в церковь заходила, – улыбнулся он. – Маргарита, помню, даже тени креста боялась, а собор за версту обходила.

От улыбки в уголках его глаз появились лучики, и все лицо подсветилось внутренней радостью. Жаль, что Ярополк редко улыбается.

– Я не ведьма, – устало возразила я, повернулась к иконам и перекрестилась. Грудь словно пронзило ножом, я ахнула от боли, упав на колени.

– Вася! – Подруга кинулась ко мне, я хрипела, пытаюсь хоть что-то сказать, ползала по холодным каменным плитам пола. Грудь жгло каленым железом, неподъемная тяжесть гнула к земле. Я не могла встать, все плыло перед глазами, окутываясь мраком. Вдруг из темноты появилось лицо воеводы. Он резким движением сорвал с меня кулон, зашипев от боли, швырнул его на пол и сунул руку в купель со святой водой. Я втягивала со свистом воздух, снова и снова, сердце успокаивалось, жгучая боль отступила, будто ее и не было. Я поднялась, опираясь на руку подруги.

– Что это было? – Юльку трясло от испуга.

– Чтоб я знала... – Я потеряла шею, на груди розовело овальное пятно, похожее на ожог. – Это из-за кулона?

Бабкино украшение искрилось на каменном полу, как еловая ветка в огне. Лихорадочные алые огоньки то вспыхивали, то гасли. Я осторожно подняла его за цепочку, вынесла из собора, искры потухли, затаились где-то в каменной мгле.

– Выбросила бы ты его, Василиса! – Ярополк снова нахмурился, от ласковой улыбки не осталось и следа. Он потер руку о штаны, поморщился, на ладони остался красный отпечаток камня.

– Не могу, – ответила я. Сунула кулон в сумочку, взяла у воеводы свечи и пошла к ступе.

Долетели мы с ветерком, но не так феерично, как в первый раз. Ступа будто привыкла к моему управлению. Я стояла, держась за гладкий деревянный край, слегка переносила вес с одной ноги на другую, и ступа послушно виляла в воздухе, как собачий хвост. Ярополк позади меня старательно выдерживал дистанцию, но я все равно всей кожей чувствовала его близость. Как же меня так угораздило? Я слегка наклонилась вперед, опершись на руки сильнее, и ступа ускорила. Он обещал мне свидание, пусть сам об этом еще не подозревает, и я попытаюсь выжать из этого шанса максимум.

Мы приземлились во дворе перед домом, слегка примяв куст сирени. Конь Ярополка испуганно заржал, но почуяв руку хозяина, быстро успокоился. Я смотрела, как воевода гладит по шее всхрапывающего коня, ласково и успокаивающе шепчет что-то в шелковистое ухо, и понимала, что с этим надо что-то делать. Не хватало еще представлять себя на месте коня.

– Пойдем? – спросил воевода.

– Пойдем, – согласилась я. – А куда?

Мы вломились в таверну «Печальный лось» в разгар веселья. Кружки стучали по столам, в центре зала брэнчал на гусях тщедушный музыкант, за стойкой довольно лыбился парнокопытный Парнас.

При нашем появлении все затихли. Оброненный кем-то стакан жалобно дзынькнул, разбившись.

– Ведьма Василиса принесла клятву верности, – объявил воевода. – Теперь она на службе у царя. Если хоть один кудрявый волосок упадет с ее головы, отвечать будете по всей строгости закона.

Я с наслаждением выставила средний палец со сверкающим перстеньком и широким жестом обвела всю таверну, демонстрируя знак царского благоволения. Отдельно ткнула палец под нос Парнасу.

– Все понятно? – спросил Ярополк.

Невнятное мычание было ему ответом.

– И отдай мой золотой, – потребовала я у бармена. – Обслуживание тут никудашнее.

Тот помялся немного, но потом поцокал копытами куда-то наверх и вскоре положил монету на стойку. Я сгребла ее и гордой походкой направилась к выходу, держа осанку, точно царица Амаранта.

Выйдя на свежий воздух, я выдохнула. Теперь можно признаться самой себе, что мне было до дрожи в коленках страшно встречаться с людьми, желавшими мне смерти. Я с благодарностью взглянула на Ярополка.

– Спасибо, – прочувствованно сказала я.

– Пожалуйста, – ответил он. – Мне не хотелось бы снова вытаскивать тебя из костра.

– Приятно, что я тебе не безразлична, – кокетливо улыбнулась я.

– Я так понял, если ты погибнешь, вместо тебя пришлют другую ведьму, и кто знает, какой окажется она.

Я ткнула Ярополка кулачком в бок, и он засмеялся. Низкий смех отозвался мурашками на коже.

– Мне надо уехать, Василиса, – сказал он, все еще улыбаясь.

– Надолго? Ты обещал сходить в мой мир, помнишь?

– Седмицы две меня точно не будет. Надо посмотреть, что за холера в Сумеречном лесу творится. Когда вернусь, загляну к тебе. Постарайся ничего не натворить до моего возвращения.

– Я-то постараюсь, но обещать ничего не могу.

– Береги себя, – добавил он. – Ты очень... необычная ведьма.

– Я не ведьма.

Воевода усмехнулся, запрыгнул на коня и ускакал в закат. Серебристый плащ развевался на ветру, как знамя. А я поплелась домой. На ходу скинула тесные туфли, нагретая за день тропинка легонько колола босые пятки сухими травинками.

Жаль, что наше свидание с воеводой откладывается. Но, с другой стороны, я смогу как следует к нему подготовиться.

Глухой вой разбудил меня посреди ночи. Все волосы на теле встали дыбом, сердце подскочило к горлу и заколотилось.

– Вася, что это? – Юлька примчалась в мою комнату, от порога запрыгнула в постель, спряталась под одеяло.

– Понятия не имею, – прошептала я.

Вой перешел в протяжный стон. Кровать слабо задрожала, как при землетрясении, окно, скрипнув, приоткрылось. Шепот на грани слуха пробирал до дрожи. Грех взлетел на кровать, зашипел, выгнув спину, и с разбегу выпрыгнул в открытое окошко. Я вздрогнула, запустила ему вдогонку подушку.

Стон оборвался резко, будто его отрезали. Через минуту благословенной тишины Юлька выглянула из-под одеяла.

– Может, это ветер? – предположила я, сама себе не веря.

– Скорее всего. – Юлька вскинула на меня испуганный взгляд. – Я с тобой посплю сегодня.

– Ага.

Ровное дыхание подруги успокаивало, но я долго не могла уснуть, прислушиваясь к каждому шороху.

С утра я проснулась от настойчивого стука. С опаской приоткрыв дверь, выглянула в щелочку – кто знает, кого еще принесло из сказочного мира. За дверью никого не было.

– Что за чертовщина, – буркнула я, закрыла дверь, и стук сразу же возобновился. Я распахнула двери.

– Я здесь. – Голосок прозвучал снизу.

Маленький человечек, едва мне до колен, мял в руках алую шапку.

– Мне передали, у тебя есть для меня работа, ведьма.

– Домовой? – догадалась я.

Человечек кивнул, на темечке блеснула лысина размером с монетку.

– Заходи. – Я посторонилась, пропуская его в дом.

Домовой не спеша прошелся по залу, заглянул в камин, поскреб котел, задрал голову, так что куцая борода нацелилась прямо на дохлых летучих мышей, которых я так и не удосужилась снять.

– Еще второй этаж, – сказала я.

– Работы непочатый край! – Его глаза загорелись энтузиазмом. – Тут на пять сребреников наберется.

– Идет, – легко согласилась я. Амфибрахий уже едва умещался на горке с золотом, съезжая бледным пuzом то вправо, то влево.

– Только я не люблю, когда у меня под ногами путаются. – Домовой закатал рукава, нацепил передничек в розовый горох.

– Полчаса – и мы с подругой уйдем, – сказала я. Юлька свесилась с лестницы, близоруко щурясь на гостя.

Домовой же с опаской покосился на волка. Юлька вчера водрузила его на скейтборд и катала по всему первому этажу, как она выразилась, – для смены визуального ряда. Сейчас оборотень скалился в затянутый паутиной камин – сомнительная радость.

– Волка не трогай, – попросила я. Кто знает, чем домовой может обработать оборотня. Как бы шкура не облезла.

– Идет, – согласился домовой. – Деньги вперед.

Я вынула монетку из клатча, положила в крохотную загорелую ладошку.

– Шутишь? – удивился домовой. – Откуда у меня с золотого сдача?

– А где же мне его разменять? – растерялась я.

– Мой брат разменом промышляет. Может обменять золото даже на деньги вашего мира. Лучший курс, сто лет честной работы. Маргарита с ним сотрудничала и никогда не оставалась внакладе.

– Интересненько, – задумалась я. Деньги давно подошли к концу, переводы я со всеми этими переездами забросила, и мысль наведаться в ювелирную скупку, прихватив пару жабьих монет, давно меня терзала.

Домовой протянул мне визитку – золотые вензеля, черные буквы. Обменный пункт располагался в нашем техномире, неподалеку от арки, и я решила немедля туда отправиться.

– Вернешься – заплатишь. – Он бросил на меня сердитый взгляд и, выйдя за дверь, затащил в дом тачку со швабрами, ведрами и мочалками.

Юлька слиняла на занятия, а я шагала по улице, разглядывая витрины. Странное дело, после встречи с водяным, полета на ступе и, главное, знакомства с воеводой наш мир стал казаться мне ярче. Уличный музыкант, уныло перебирающий струны гитары, напомнил гусяря из «Печального лося», зеленоволосая ундина из рекламы шампуня навевала мысли о водяном и заболоченном пруде, а команда дворников, рассевшихся на бордюре, заставила засомневаться – справится ли крошечный домовой с бардаком в моем доме. Два мира наслоились друг на друга, словно масло на хлеб, и мне определенно нравилась моя новая жизнь. Хочу – гуляю по центру города и пользуюсь всеми благами цивилизации, а хочу – отправляюсь в деревню, где свежий воздух и отличная экология. Есть, конечно, нюансы, вроде странного ночного воя, нет в мире совершенства.

Обменный пункт располагался в подвальном помещении. Я сверилась с адресом на визитке, с сомнением покосилась на ступеньки, уходящие вниз. Спустилась, постучав, приоткрыла дверь. Над головой мелодично звякнули колокольчики.

– Проходите, открыто.

Я шагнула внутрь, огляделась. Стены каморки были выкрашены в бледно-зеленый цвет, из-за широкого деревянного прилавка выглядел старичок. За ним высилась стеклянная витрина, но рассмотреть, что в ней, мне так и не удалось.

– Домовой дал ваш адрес, – сказала я.

Старичок нацепил на нос пенсне, окинул меня долгим взглядом. Я уж решила, что он сейчас вызовет доктора бедной сумасшедшей девушке. Но он вдруг нырнул под прилавок, выбежал сбоку и, остановившись напротив меня, протянул руку. Чтобы ее пожать, мне пришлось

наклониться. Брат домового оказался ростом с небольшую собачку. Его голова была непропорционально большой, и казалось, вот-вот перевесит тщедушное тельце, упакованное в стильный зеленый костюмчик. Интересно, где он его брал – в детском мире? Или стащил с пупса?

Рукопожатие гномика оказалось неожиданно крепким.

– Онисий. Рад знакомству. Вы – новая ведьма?

– Василиса, – кивнула я.

– Что ж, надеюсь на долгое и взаимовыгодное сотрудничество.

Я стащила рюкзак, вынула из кошелька монетку. Онисий повертел ее в пальцах, поднес к глазу, увеличенному стеклышком пенсне.

– Работа Амфибрахия как всегда безукоризненна, – с восхищением произнес гном. – И как всегда неповторима. Вы знаете, что все монеты – разные? Они весят одинаково, всегда одного и того же размера, но рисунок на поверхности уникален, как снежинка. Коллекционеры у меня эти монеты прямо из рук рвут.

– Значит, цена монет должна меня приятно удивить. – Я многозначительно изогнула бровь, стараясь выглядеть по-деловому невозмутимо.

– Вы же понимаете, Василиса, я должен покрывать свои расходы и риски...

Онисий назвал цифру, и у меня глаза на лоб полезли. Весь невозмутимый вид как ветром сдуло. Да за такие деньги я готова копать червей за сараем и по четным, и по нечетным, и по выходным!

– Может, хотите приобрести что-нибудь, – вкрадчиво предложил гном. Он включил свет в витрине позади стойки, и я зажмурилась от блеска драгоценностей. – Есть тиара из бриллиантов, говорят, в ней выходила замуж царица Несмеяна, а ей, как вы знаете, было непросто угодить. Или вот изумрудное кольцо, я вижу, вы любите изумруды. – Он кивнул на мой перстень. – К вашим глазам подойдет изумительно. А может, вам нужны склянки для эликсиров? Есть самые лучшие – горный хрусталь. Прозрачные, как вода, прочные, как камень.

В маленьких ручках появились пузырьки, сверкающие гранями, как новогодние шарики.

Мне удалось отделаться от Онисия, лишь признавшись, что золотой – это все, что у меня с собой есть. В итоге он выдал мне горсть серебряных и медных монет сказочного мира и пухлую пачку рублей. Я вышла из подвала, двумя руками прижимая к груди рюкзачок. Кажется, на улице молодой ведьмы наступил праздник. Да здравствует шопинг!

Я вернулась домой, когда уже стемнело. Протащила через арку новенький велосипед, со всех сторон обвешанный пакетами с покупками, прислонила его к стене у крылечка. В окнах горел свет, я видела Юлькин силуэт, тенью скользящий по комнате, наверняка снова катает волка. Я стащила пакеты с руля, толкнула попой дверь, вошла в прихожую, развернулась... и замерла.

С ореховых балок свисала блестящая люстра, никаких больше мышей и травяных венчиков, сверкал медный бок котла, по отдраенному полу было жалко ходить – такой он был чистый, медовый. Домовой сидел за скобленным добела столом и чинно пил чай, оттопырив крохотный мизинчик.

– Вася, я уговариваю Степана Аркадьича открыть клининг-сервис, но он никак не соглашается, – пожаловалась Юлька.

– Вы талант! – восхитилась я. – Нет. Гений!

Домовой скромно кивнул и отпил еще глоточек.

– С котлом пришлось повозиться, – пожаловался он. – И котик ваш мыться не захотел. Очень невоспитанное животное.

Домовой посмотрел на меня с укоризной, и мне на мгновение даже стало стыдно.

– И террариум я не трогал. Боялся нарушить микроклимат.

– Кстати... – Я бросила пакеты на пол, порывшись, вытащила оттуда новенькую тятку с гламурной розовой ручкой и умчалась через заднюю дверь во двор. Вернулась я с пригоршней червей.

– Амфибрахий, ты душка, – сказала я, опуская копошащееся лакомство в тарелочку. – Может, я тебя потом даже поцелую.

Жаба боязливо на меня покосилась и стрельнула языком в червя.

Я отдала домовому пять сребреников и добавила еще два, в качестве благодарности. Он расцвел, обещал Юльке заходить на чай и выкатил тачку, груженную швабрами, во двор.

– Степан Аркадьич! – окликнула я его.

– Да, Василиса? – обернулся он, стоя у крыльца.

– Не подскажешь, где в деревне самый счастливый дом? Чтоб детей много, порядок, достаток и любовь...

– Понятно где, – степенно ответил он. – Это дом, где живу я.

– Мне для заклинания надо зажечь свечу в очаге такого дома, – призналась я.

– Нет, Василиса, в колдовство я не лезу – Домовой нахмурился, лоб собрался в морщинки, как смятая скатерть.

– Я обещала водяному снять проклятие с пруда. Это светлая магия.

Глаза Степана Аркадьича вспыхнули, как светлячки.

– Ты очень необычная ведьма, Василиса, – сказал он после паузы.

– Это я уже слышала. Так ты мне поможешь?

– Мне надо поговорить с хозяйкой.

Он побрел к калитке и вскоре растворился в сумерках, лишь его тележка побрякивала на кочках.

Я распаковала покупки, разобрала наконец-то чемоданы. Свежевымытые окна блестели, нежно-кремовый тюль слегка покачивался на приоткрытом окошке. Я расставила на трюмо кремы, духи и косметику, на тумбочку у кровати водрузила фотку, где мы с Юлькой сидим на пляже, – и наконец-то почувствовала себя дома.

Юлька ворвалась в комнату без стука, покрутилась передо мной в новой цветастой пижаме, которую я ей купила.

– Шикарно, – одобрила я.

– Жаль, показать некому, – вздохнула она.

– А меня ты уже за человека не считаешь?

– Это другое. Я же не собираюсь в тебя влюбляться!

– Хм, а я на субботу как раз купила парный абонемент в спа-салон на целый день, для влюбленных...

– Вася! Я долго сопротивлялась своим чувствам, но тщетно. Я люблю тебя! – пылко произнесла Юлька, прижав руки к груди.

– То-то же! А то я, знаешь, даже начала ревновать к царице. Ах, Амаранта... – передразнила я подругу.

Юлька смущенно рассмеялась.

– Сама не знаю, что на меня нашло, – призналась она. – И пытаюсь вспомнить, как она выглядела, а в памяти будто провал. Как будто такую красоту даже вообразить невозможно.

Я приложила к себе новенький кружевной бюстгальтер, повернулась к Юльке.

– Пойдешь в этом на свидание с воеводой? – подколола она меня.

Я вздохнула и положила обновку в шкаф.

– Не уверена, что у меня есть шанс. Думаю, ты ему подходишь куда больше.

– Во-первых, я помню о праве первой встречи, – загнула палец Юля. – Кто первой мужчину увидел, той он и достается.

– Ты познакомилась с ним всего минутой позже.

– Все равно. Во-вторых, – Юлька упала на мою кровать, – он не в моем вкусе. Такой весь правильный, спокойный. Я люблю мужчин с огоньком.

– А он, похоже, девушек с огоньком боится, – нахмурилась я.

Юлька повернулась на живот и улыбнулась.

– А в-третьих... Я покажу тебе кое-что.

Она убежала к себе в комнату и вернулась с ноутбуком.

– Я скинула фотки из дворца, – сказала она, быстро пролистывая кадры. – Вот...

На экране появилось лицо воеводы. Я залюбовалась красивой осанкой и росчерком бровей; высокий лоб пересекала вертикальная морщинка, которую так и хотелось разглядеть. В голубых глазах таились тоска и потаенная страсть, уголки губ слегка приподнимались, как будто перед ним сейчас что-то очень хорошее.

– Так он смотрит на тебя, когда ты не видишь, – прошептала подруга из-за плеча, словно змей-искуситель.

– Да ладно! – Я расплылась в улыбке. Может, и не стоит прятать далеко новое белье. Очень скоро оно может мне пригодиться.

Я пролистнула кадр и недоуменно всмотрелась в экран. В платье восхитительной Амаранты, блестящей красавицы, чья красота ослепляла и сшибала с ног, стояла какая-то мымра.

– Как-то нефотогенична царица, да? – протянула Юлька.

– Совсем, – согласилась я.

Длинный нос, маленькие, близко посаженные глазки, тонкие, недовольно поджатые губы, – Амаранта на фотографии не производила и доли того ошеломляющего впечатления, что в реальности. Костлявые плечи выпирали из слишком свободного платья – того и гляди спадет наряд, никаких выпуклостей, за которые оно бы могло удержаться, у царицы не наблюдалось. Кулон алым маячком болтался на плоской груди.

– Ох, нечисто дело с царицей, – заметила я.

Встала я спозаранку, когда солнышко только выкатилось на светло-голубое небо, пронизанное золотыми нитями. Высоко-высоко висели черные точки жаворонков, яйца которых требовались для колдовского приворота. Может, Ярополк меня приворожил? А что, все сходится – и неумная тяга, и отсутствие сна. Я хмыкнула и подняла тляпку, безалаберно брошенную вчера на крыльце.

Я купила ее в огромном хозяйственном магазине. Сначала бродила по рядам с сельскохозяйственными орудиями труда, один другого страшнее, примерялась к лопатам и вилам, постояла у садового гномика, чем-то смахивающего на Степана Аркадьича. Достала всех попавшихся под руку консультантов вопросами: в какой грунт надо сажать тыквы, самый плодородный сорт, секреты хорошего урожая, – а потом увидела эту тляпку, и рука сама к ней потянулась. Маленькая, хорошенькая, милый цвет, аккуратные зубчики – ее не было страшно брать в руки, и она без труда уместилась в мой рюкзак.

Окинув взглядом заросшую бурьяном грядку, спускающуюся к забору, я засучила рукава, надела резиновые перчатки и принялась за прополку. Я вырывала длинные стебли полыни, дурманящей горьковатым ароматом, выкорчевывала колючий осот, подкапывала белесые корни пырея. Разогнувшись через полчаса, окинула взглядом кучку вырванной травы на дорожке, потом прикинула предстоящий фронт работ и мысленно застонала.

– Я тебе кофе сделала, – выкрикнула с крыльца Юлька и тут же трусливо скрылась в доме. Я бросила тляпку – ведьме нужен перерыв.

Мы устроились в зале. В вазочке на столе высилась горка песочного печенья, которое вчера испек Степан Аркадьич. За такого домового и золотого не жалко! Надо бы его переманить. Я задумчиво откусила кусочек, отхлебнула обжигающего кофе и открыла книжку-чудесницу.

– Привороты, отвороты, венцы безбрачия и кошмарные сны, – пробормотала я. – И хоть бы один завалящий рецепт, как избавиться от сорняков.

– А ты не думала на самом деле поколдовать? – спросила Юлька, макая печенье в креманку с абрикосовым вареньем. – Сглаз на твою мымру навести, к примеру, чтоб неповадно было так квартирантов кидать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.